
Russkaya Starina

Has been issued since 1870.
ISSN 2313-402X
2014. Vol.(10). № 2. Issued 4 times a year

EDITORIAL STAFF

Dr. Khlynina Tat'yana – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia
(Editor-in-Chief)

PhD Mamadaliyev Anvar – Sochi State University, Sochi, Russia

PhD Natolochnaya Ol'ga – Sochi State University, Sochi, Russia

PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russia

PhD Degtyarev Sergey – Sumy State University, Sumy, Ukraine

EDITORIAL BOARD

Dr. Bäckman Johan – University of Helsinki, Helsinki, Finland

Dr. Krinko Evgenii – Southern Scientific Centre of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Dr. Menjkovsky Vaycheslav – University of Belarussian State, Minsk, Belarus

Journal is indexed by: **Cross Ref** (USA), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (USA), **Electronic scientific library** (Russia), **Global Impact Factor** (Australia), **Google scholar** (USA), **Index Copernicus** (Poland), **Open Academic Journals Index** (Russia), **ULRICH's WEB** (USA).

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 26/2 Konstitutcii, Office 6
354000 Sochi, Russian Federation

Website: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@rambler.ru

Founder and Editor: Academic Publishing
House *Researcher*

Passed for printing 16.06.14.

Format 21 × 29,7/4.

Enamel-paper. Print screen.

Headset Georgia.

Ych. Izd. l. 4,5. Ysl. pech. l. 4,2.

Circulation 500 copies. Order № 10.

Russkaya Starina

2014

№ 2

Издается с 1870 г. ISSN 2313-402X
2014. № 2 (10). Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хлынина Татьяна – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
(Гл. редактор)
Мамадалиев Анвар – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Натолочная Ольга – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Иванцов Владимир – Сочинский государственный университет, Сочи, Россия
Дегтярев Сергей – Сумский государственный университет, Сумы, Украина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бекман Йохан – Университет г. Хельсинки, Хельсинки, Финляндия
Кринко Евгений – Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия
Меньковский Вячеслав – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Журнал индексируется в: **Cross Ref** (США), **EBSCOhost Electronic Journals Service** (США), **Electronic scientific library** (Россия), **Global Impact Factor** (Австралия), **Google scholar** (США), **Index Copernicus** (Польша), **Open Academic Journals Index** (Россия), **ULRICH's WEB** (США).

Статьи, поступившие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы публикаций.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: 354000, Россия, г. Сочи,
ул. Конституции, д. 26/2, оф. 6
Сайт журнала: <http://ejournal15.com/>
E-mail: sochio03@ Rambler.ru

Учредитель и издатель: ООО «Научный
издательский дом "Исследователь"» -
Academic Publishing House *Researcher*

Подписано в печать 16.06.14.
Формат 21 × 29,7/4.
Бумага офсетная.
Печать трафаретная.
Гарнитура Georgia.
Уч.-изд. л. 4,5. Усл. печ. л. 4,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 10.

© Русская Старина, 2014

CONTENTS

Articles and Statements

Ivan Dzhavakhishvili – The Founding Father of the Georgian University Maiya Burdiashvili	64
Evacuation of Civilians and Material Values During the Great Patriotic War: Memory VS Document Tat'yana P. Khlynina	69
“The Forgotten War” in the Interior of the “Times and Epochs” Military-Historical Festival: A New Life and Research Potential Tat'yana G. Kurbat	80
Ministerial Campaigns: The “Izh” and “Shrapnel” Steamers Nikolai V. Mityukov, Lyudmila P. Portseva	85
Nurseries for Infants during World War I Lyudmila M. Volobueva	94

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 64-68, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.64

www.ejournal15.com

Articles and Statements

UDC 93

Ivan Dzhavakhishvili – The Founding Father of the Georgian University

Maiya Burdiashvili

Iakob Gogebashvili State University of Telavi, Georgia
1, Georgian University Str.
Dr. (History)

Abstract. Fortunately, there are people who leave a deep mark on the world's history and the entire country's social worldview and life. It is in their activity, the area they worked in that the entire epoch is reflected. Georgia's history is full of such devoted and selfless heroes who place the country's well-being and the people's cultural development above anything else. Georgian historian, public figure, scholar, his homeland's pride and worthy citizen Ivan Dzhavakhishvili was among such most estimable personalities.

Keywords: university; scholar; Georgia; historian; Ivan Dzhavakhishvili.

Введение

Начало XX века – эпоха больших политических и социальных сдвигов. Европа перенесла Первую мировую войну, империи распались, некоторые были уничтожены, образовались новые государства, многие из них получили независимость. Именно в подобной сложной политической обстановке Грузия сумела достичь долгожданной и заветной независимости и было образовано демократическое суверенное государство. В стране началось формирование государственных структур, развивалась внутренняя и внешняя политика, налаживалась экономическая жизнь, система образования и т.д. Именно в этот самый сложный период была положена основа храма образования – Грузинского государственного университета, вдохновителем и непосредственным основоположником которого стал Иван Джавахишвили.

Результаты

Иван Джавахишвили (см. фото 1. – М.Б.) в жизни Грузии появился в конце XIX – начале XX веков. Для своих современников он стал примером подражания истинного патриотизма. Именно с его помощью был основан первый грузинский университет, был заложен фундамент научного исследования истории Грузии, начался новый этап грузинской историографии. Основной целью научной деятельности Ивана Джавахишвили было глубокое и основательное изучение духовной и материальной культуры грузинского народа, богатого прошлого Грузии. В весьма тяжёлых и сложнейших условиях пришлось трудиться И. Джавахишвили, так как в Грузии не существовало ни одной научной области, этот вопрос требовал организованного подхода. Имелись лишь труды Мари Броссе, Дмитрия Бакрадзе, Тедо Жордания, Эквтиме Такашвили и Мосе Джанашвили, касающиеся

отдельных вопросов истории Грузии. Глубокое и систематизированное изучение истории Грузии полностью было возложено на одного человека. Ему пришлось взвалить на свои плечи очень тяжёлый груз и первому проложить дорогу другим наукам. Позднее Иван Джавахишвили писал: «К моему великому сожалению, у меня никого не было, кто мог бы разделить со мной эту ношу и из-за нехватки времени я был в таком состоянии, что даже для проверки написанного не хватало времени». (Р. Метревели, Тб., 2012. с. 6).

Фото 1. Иван Александрович Джавахишвили

Иван Джавахишвили сделал очень многое для образования и развития грузинской историографии. Именно результатом его самоотверженного труда являются такие глубокие научные труды как: «История грузинского народа», «История грузинской экономики», «История грузинского права», «Историческая география», «Метрология», «Нумизматика», «История музыки», «Вопросы истории материальной культуры» и т.д. Это неполный перечень тех трудов, которые им были оставлены нам, потомкам. «Каждый образованный народ, имеющий самосознание, должен знать историю своей прошлой общественной жизни, должен знать настоящую историю, без лжи» – писал Иван Джавахишвили (И. Джавахишвили, Тб., 1904. с. 17).

Будучи ещё молодым учёным Иван Джавахишвили правильно предусмотрел, что несмотря на тяжёлые обстоятельства, перед историей, как перед наукой, стояли весьма важные задачи. Нужно было многое пересмотреть, изучить и оценить по-новому. Иван Джавахишвили был против подобного отображения прошлого, когда превозносят достоинства и уменьшают недостатки. Такой подход учёных он считал самообманом. Он переживал и говорил, что «из-за подобного действия люди научатся самохвальству, беспочвенной гордости и появится чувство самоудовлетворённости» (Р. Метревели, Тб., 2012. с. 8).

Иван Джавахишвили со всей ответственностью ставил вопрос об исторической науке, высокой нравственной обязанности историков и учёных, на которых была возложена миссия изучения и исследования прошлого. Святой обязанностью историка-учёного он считал непритворное и честное научное описание прошлого, выяснение причин развития того или иного общества или государства. Он был глубоко убеждён, что пользу обществу может принести лишь тот учёный, который в первую очередь честен перед самой наукой.

Иван Джавахишвили во всеуслышание заявлял: «Грузинский историк должен честно изучить прошлое своего народа и показать прошлое родины, так как он никогда не должен забывать – каким великим бы ни было сподвижничество народа в прошлом, если оно в настоящем времени ничего не представляет, блестящее прошлое ему не поможет» (Р. Метревели, Тб., 2012. с. 9). Учёный в доказательство своих слов приводит множество примеров огромных империй, о мощи которых можно было рассуждать по величине границ, но их сегодня больше не существует, только лишь история сохранила сведения об их существовании.

Иван Александрович Джавахишвили родился 11 (23) апреля 1876 года в образованной семье. Отец – Александр Джавахишвили вёл педагогическую деятельность, он работал учителем в городах Гори, Сигнаги, Телави и Тбилиси. По природе он был спокойным человеком с твёрдой волей. Мать – София Вахвахишвили была добродетельной и умной женщиной. Семья большое значение придавала традициям и образованию.

Иван начальное образование получил сначала в Тбилисской гимназии, где выделялся большой любовью к учёбе, безграничным интересом к родной культуре и тягой к изучению истории. Он часто ходил по деревням и вёл культурно-просветительную деятельность. Вот что вспоминает о нём его друг Коте Макашвили: «Он частый гость храмов, осматривает развалины дворцов и крепостей, от его любопытного глаза ничего не утаится» (К. Макашвили, Тб., 1926. с. 3).

В 1895 году Иван Джавахишвили окончил гимназию. Вот какова характеристика молодого Джавахишвили, которую написал директор гимназии для продолжения его учёбы в Петербурге: «Ученик Иван Джавахов сын небогатого грузинского князя (смотрителя училища). Добрая патриархальная семья повлияла на юношу, сделав его религиозным, благонравным, вежливым и приветливым. Джавахов имеет хорошие природные дарования, к тому же очень усерден и трудолюбив. Из него несомненно выйдет прекрасный студент. Здоровье у него от природы хорошее, частично потрясенное усердными занятиями последних лет. Он много занимается и хорошо начитан. Он хорошо играет на скрипке и любит это занятие. Он прекрасный сын и безукоризненно обходительный юноша не только со старшими, но и с товарищами, даже с младшими. Политически он благонадёжен» (Центральный архив Грузии, Тб., 1967. с. 323). Он продолжил свою учёбу в университете Петербурга на факультете восточных языков, а именно на грузино-армяно-иранском отделении. Молодой Джавахишвили своим серьёзным, энергичным трудом, прилежностью и талантом быстро привлёк внимание профессоров. Для углубления своих знаний он слушал лекции и на юридическом факультете, был инициатором всего хорошего и прогрессивного. С молодых лет проявил себя уже сформированным общественным деятелем. Вот что пишет Эквтиме Такашвили о нём: «Редко встретить человека без недостатка. Это был человеком, не имеющим их: нравственно чист, вежлив, ласков, скромн, человеколюб и отзывчив, от него не услышишь ни разу недостойного слова, он был сыном грузинской интеллигентной семьи, проникшей грузинским патриотизмом и работой во благо Грузии» (Р. Метревели, Тб., 2012. с. 20).

В истории народа человек может увековечить своё имя по-разному, но безгранична велика честь называться основоположником национального университета. Поэтому Иван Джавахишвили и первый грузинский университет неразделимы.

Основание университета, как центра прогрессивных идей и храма знаний была долговечной мечтой грузинского народа. Грузинская молодёжь всё же находила способы получить образование в разных училищах Европы и России. Во второй половине XIX века и в начале XX в. многие грузины гордились профессурой высших училищ России. Контингента грузинской интеллигенции было достаточно для укомплектования высших училищ. В начале XX века вопрос об образовании грузинского университета был поставлен со всей остротой. Этим руководил Иван Джавахишвили, который в то время работал приват-доцентом Петербургского университета. Именно работая здесь и ведя научно-педагогическую деятельность, он проанализировал, что для основания высших училищ необходимо было сосредоточить все научные силы. Был разработан план основания национального университета. Весной 1917 г. он вернулся из Петербурга в Тбилиси и начал осуществление первого организованного мероприятия. Было проведено учредительное собрание грузинского университетского общества, на котором присутствовали передовые общественные деятели того времени. Среди них были: Акакий Шанидзе, Дмитрий Узнадзе, Луарсаб Боцвадзе, Корнелий Кекелидзе, Григол Вешапели, Филипп Гогичаишвили и другие.

Собрание открыл Иван Джавахишвили. Он же сделал доклад о необходимости основания университета. В докладе автор подчеркнул культурное прошлое Грузии, просветительную и творческую деятельность грузинского народа. «Неугасаемый дух наших предков и безудержное стремление к знаниям, за границей создало грузинам такие учреждения, при помощи которых Грузия имела возможность следить за научными,

писательскими и культурными успехами своих соседей, что было ей необходимо и нужно было как можно быстрее всё усвоить» (И. Джавахишвили, Тб., 1948. с. 1).

Иван Джавахишвили подробно рассматривал те пути и средства, которыми он смог бы выполнить намеченные задачи. По его категорическому требованию, нужно было сперва основать университет, и уже затем можно было заняться формированием академий и других профессиональных высших и научных учреждений.

По мнению современных учёных «грузинский университет в одно и то же время должен был быть учреждением для научного исследования и опытов и высшим научным училищем, в котором была бы возможность для изучения наук и научной деятельности» (И. Джавахишвили, Тб., 1948 г., с. 7). Учёные были единомышленниками и соратниками Ивана Джавахишвили, которые в осуществлении этого сложного дела помогли великому учёному, хотя были и скептики, считающие что эту идею невозможно осуществить и она лишь является навязчивой идеей определённой части учёных.

3 октября 1917 года было проведено общественное собрание грузинского университета, председателем которого по инициативе Ивана Джавахишвили был избран Эквтиме Такашвили, а почётным председателем – профессор Пётр Меликишвили. Присутствующие с большим интересом и восторгом выслушали доклад Ивана Джавахишвили о значении университета и о той работе, которая была осуществлена для его открытия, докладчик коснулся также и системы обучения. По его мнению с самого начала нужно было основать факультет мудрословия, в который входили бы историческая, филологическая и философская специальности. На историко-филологическом отделении изучение арабского и персидского языков было бы весьма актуальным. Кроме гуманитарных отделений в университете нужно было основать и отделения языкознания, математики, педагогики и т.д.

Большое значение придавалось подбору профессоров и преподавателей. 13 января 1918 года состоялось первое официальное университетское заседание коллегии профессоров, на котором присутствовали будущие педагоги. Было избрано университетское правление и члены коллегии обратились с просьбой к Ивану Джавахишвили – встать во главе университета. Он отказался от поста ректора и в свою очередь предложил назначить ректором Петра Меликишвили, который по словам самого Джавахишвили «весьма известный учёный как в России, так и за границей и этот выбор нашему университету увеличит престиж» (Р. Метревели, Тб., 2012. с. 31).

Коллегией профессоров это предложение было принято и Пётр Меликишвили был назван первым ректором Грузинского университета, а Иван Джавахишвили стал деканом факультета мудрословия.

В истории грузинского народа настал очень важный период, близился день открытия университета. Было решено открыть первый грузинский университет 26 января 1918 года, в день почитания всеми уважаемого Давида IV-ого Строителя.

Ещё несколькими днями раньше, в протоколе заседания правления грузинского университета от 20 января мы читаем, что праздник, запланированный в связи с открытием университета, нужно было провести на высоком уровне и на нём должны были присутствовать представители высшей элиты. Слово должен был произнести первый ректор – Пётр Меликишвили. Перед присутствующим обществом должен был предстать основатель и главный виновник этого торжества Иван Джавахишвили. После данного мероприятия Мосе Джанашвили писал: «Присутствие Джавахишвили зажгло новый светоч. Здание грузинской гимназии превратилось в храм национального величия и стало обителью первого университета» (Газета «Сакартвело», 1918. №23).

Основанный Иваном Джавахишвили университет, начал быстро расти и развиваться, приобретал всеобщее признание. Роль Джавахишвили в деле основания университета была безгранично велика. Об этом громогласно заявлял сам первый ректор Пётр Меликишвили: «Иван Джавахишвили является единственным основателем, вдохновителем и рыцарем нашего университета, здесь никто не сможет соперничать с ним».

Несмотря на политические трудности, начавшиеся в 1920–1930-х годах и в Грузии и за её пределами, Иван Джавахишвили остался верен своим идеям. Политические репрессии, свирепствующие в 1936–1938 годах, вызвали уничтожение интеллигенции Грузии. Жестокость репрессий со всей остротой коснулись и Ивана Джавахишвили. Несмотря на

сложные идеологические давления, грузинский университет и его основатель физически смогли спастись от политических репрессий.

Достойная и самолюбивая мощь духа Ивана Джавахишвили не смогла вынести того давления, которое осуществлялось по отношению к нему и он 18 января 1940 года скончался в университете, во время чтения лекции.

Выводы:

1. Счастлив тот народ, на долю которого выпало счастье родить в лоне собственной нации лестного для своей Отчизны сына. Человек беззаветно и бескорыстно служащий своей Родине, навеки укоренит своё имя в истории страны.

2. Для представления личностных и человеческих ценностей великого учёного и общественного деятеля с безграничным вкладом, данный выше биографический отрывок вполне достаточен.

3. В истории Грузии имя Ивана Джавахишвили всегда будет связано с университетом как с великим храмом святых знаний.

4. Иван Джавахишвили ушёл из жизни очень рано, он мог сделать ещё очень многое для страны и народа. 18 ноября 1940 года Иван Джавахишвили скончался во время лекции.

Примечания:

1. Роин Метревели. Иван Джавахишвили. Тбилиси, 2012. с. 5-6.

2. Коте Макашвили, Вано Джавахишвили. Сборник. Наша наука. №17-18, Тбилиси, 1926. с. 3.

3. Центральный архив Грузии 422, Груз. 5214, Ф. 124; Исторический вестник. Тбилиси, 1967. с. 323.

4. Иван Джавахишвили. О необходимости основании грузинского университета. ТСУ. Труды, XXXIII, 1948. с. 1.

5. Газ. «Грузия». Тбилиси. 1918. № 23.

References:

1. Roin Metreveli. Ivan Dzhavakhishvili. Tbilisi, 2012. s. 5-6.

2. Kote Makashvili, Vano Dzhavakhishvili. Sbornik. Nasha nauka. №17-18, Tbilisi, 1926. s. 3.

3. Tsentral'nyi arkhiv Gruzii 422, Gruz. 5214, F. 124; Istoricheskii vestnik. Tbilisi, 1967. s. 323.

4. Ivan Dzhavakhishvili. O neobkhodimosti osnovanii gruzinskogo universiteta. TSU. Trudy, XXXIII, 1948. s. 1.

5. Gaz. «Gruziya». Tbilisi. 1918. № 23.

УДК 93

Иван Джавахишвили – основоположник грузинского университета

Майя Бурдиашвили

Телавский государственный университет имени Я. Гогешаши, Грузия
 Департамент истории
 Доктор исторических наук

Аннотация. К счастью, существуют такие люди, которые оставляют глубокий след в истории мира, общественном мировоззрении и жизни всей страны. Именно на их деятельности, там где они трудились, отражается вся эпоха. История Грузии полна такими верными и бескорыстными героями, которые выше всего ценили благосостояние страны и культурное развитие народа. Именно подобной достойнейшей личностью являлся грузинский историк, общественный деятель, учёный, гордость родины и достойный гражданин – Иван Джавахишвили.

Ключевые слова: университет; учёный; Грузия; историк; Иван Джавахишвили.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 69-79, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.69

www.ejournal15.com

UDC 94/47.084.8

Evacuation of Civilians and Material Values During the Great Patriotic War: Memory VS Document*

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006
Doctor of History
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Abstract. Article is devoted to the perception of evacuation and its reflection in the Archive Fund. It discusses the features of eyewitnesses of the events 1941–1942. Opens the possibility of archival sources in understanding the logic of the disruption and measures of evacuation. Noted substantial mismatch personal and official sources of origin, analyzes their research capabilities.

Keywords: Great Patriotic War; evacuation; the civilian population; material values; memories; archival documents; Rostov and Stalingrad area.

Введение

История эвакуации гражданского населения и материальных ценностей из регионов, оказывавшихся под непосредственной угрозой оккупации противника, относится к активно разрабатываемым сюжетам современной отечественной историографии. Ее проведению и сопутствовавшим этому процессу «издержкам» посвящены многочисленные работы, основывающиеся на источниках как официального, так и личного происхождения. При этом масштаб освещения эвакуационных мероприятий давно уже сместился от общего к частному и измеряется отдельными регионами и населенными пунктами. Новая исследовательская оптика и использование широкого круга исторических свидетельств позволили историкам ответить на очень многие, «неудобные» вопросы относительно срыва эвакуации; трудностей размещения эвакуированного населения; неизбежно связанных с перемещением огромного количества людей и материальных ресурсов потерь [1]. На сегодняшний день в изучении эвакуации, казалось бы, не осталось ни «белых пятен», ни исследовательской интриги, если не считать таковой время от времени вспыхивающие дискуссии относительно «зловещей роли» Сталина в срыве и фактическом запрете эвакуации из ряда населенных пунктов. *«В отечественной и зарубежной литературе публицистического характера часто можно встретить такую точку зрения: Сталин запретил эвакуацию, чтобы не подорвать свой престиж и не вызвать панику, эвакуация населения из Сталинграда*

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

целенаправленно не проводилась, а началась стихийно уже после жестоких бомбардировок города. Доходит до того, что якобы Сталин вместо полномасштабной эвакуации бросил все население на защиту города» [2]. Тем не менее, вопрос о том из чего («какого сора») складывается ее нынешний образ, на каком уровне дополняют друг друга память очевидцев/современников событий и сухие сведения официальных документов того времени остается открытым. Рассмотрим на примере воспоминаний очевидцев и источников официального происхождения, какой помнится и документально видится эвакуация населения и предприятий Ростовской и Сталинградской областей, и почему она все еще относится «к одним из самых малоизученных вопросов в истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны» [3].

Материалы и методы

24 сентября 1941 г. «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР создается Совет по эвакуации [3]. А уже 27 июня ЦК ВКП (б) и СНК СССР принимают постановление «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Согласно этому постановлению, первоочередной эвакуации из местностей, находившихся под угрозой вторжения немецких войск, подлежали «важнейшие промышленные ценности (оборудование – важнейшие станки и машины), ценные сырьевые ресурсы и продовольствие (цветные металлы, горючие, хлеб) и другие ценности, имеющие государственное значение». Квалифицированные рабочие, инженеры и служащие эвакуировались вместе с предприятиями; годная к воинской службе молодежь и ответственные партийные и советские работники упоминались в нем «второй очередью» [4]. В литературе часто встречается мнение, что остальные категории населения (старики, дети, инвалиды) были просто брошены на произвол судьбы и обстоятельств. С ним трудно не согласиться, хотя и согласиться полностью мешают предпринимаемые органами власти меры по эвакуации детских домов, организации дополнительных вагонов по вывозу гражданского населения, вывод «стариков» в районы расположения партизанских отрядов. Однозначной оценке эвакуационных мероприятий препятствуют и особенности ее организации и проведения в разных регионах страны. Ростовская область, дважды подвергнувшаяся оккупации («недельной» в ноябре 1941 г. и восьмимесячной в конце июля 1942 – начале февраля 1943 гг.), прошла и через две волны эвакуации, каждая из которых запомнилась своими особенностями.

Обсуждение и результаты

В воспоминаниях жителей области и ее административного центра первая эвакуация запомнилась всполохом «неожиданной оккупации». Ростовчанка Н.В. Бакулина, работавшая в пединституте и имевшая на руках мать и малолетнего сына, в 1953 г. писала: «К началу ноября 1941 г. немецкая армия уже стояла под Ростовом. Мало кто из граждан успел эвакуироваться. Это удалось, видимо, только представителям городских и областных властей. Они удирали, бросив на произвол врага вверенный им город, вывозя на грузовиках своё имущество. Между отходом наших частей и вступлением в город немцев образовалась пауза в несколько часов. Начались грабежи. Занимались этим не оккупанты, а наши граждане» [5]. О «всем начальстве, покинувшем город» за два-три дня до прихода немцев и обречшим его на разграбление населением говорил и А. Карапетян, отмечая: «Примерно за месяц до вступления немцев в Ростов, во второй половине октября, в городе началась паника. Наверное, это был отголосок паники в Москве. Прошел слух: немца прорываются к Ростову» [6]. А. Агафонов, будучи «мальчишкой» в те далекие годы, спустя 70 лет вспоминал: «Многие эвакуировались. И весь наш огромный двор был завален скарбом, который нельзя было увезти. Особенно много было книг – классиков марксизма-ленинизма и другой политической литературы. Мы, мальчишки, долго рылись в этих книгах, искали книжки с картинками. Среди этой книжковой макулатуры мы нашли письмо. Прочитали его. Оно нас поразило. Письмо было из Москвы. Самое страшное: в нем писалось, что в Москве – паника, идет эвакуация» [7]. Вспоминали ростовчане и о госпитале с ранеными красноармейцами, который перед

«приходом немцев наши не успели эвакуировать. Их жители разобрали по квартирам» [8].

В одной из сохранившихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области объяснительных записок приводятся причины, по которым член ВКП (б) с 1928 г. А.П. Петрова не успела эвакуироваться и по которым, соответственно, не было эвакуировано и предприятие, где она работала. Из объяснительной следовало, что «в первых числах ноября 1941 г.» все пищевые предприятия города получили распоряжение «производить бесперебойную работу по выработке готовой продукции, несмотря на осадное положение города ... Одновременно предупредили всех хозяйственников пищевых предприятий города, что они без разрешения городских организаций не имеют право покидать предприятие. В действительности оказалась совсем другая и неожиданная обстановка. 20/XI–41 завод производил нормальную работу, причем в тот день я примерно в 12 часов обратилась в Ленинский РК ВКП (б) с вопросом “как быть, кругом слышна канонада”, на что мне ответили “продолжать форсировать работу и если будет какая опасность, Вам сообщат особо, поэтому не волнуйтесь, работайте спокойно”. И как то получилось в действительности, я представить не могу, а именно: примерно в 2 часа я отпустила 3-х-тонную машину спиртных напитков для полевого госпиталя действующей армии. После чего слышу от отдельных сотрудников и работников завода, что на улицах бегают вооруженные немцы, чему я не поверила и сейчас же вышла во двор завода, и пошла по направлению проходной. Я увидела 3 едущие мотоцикла по улице, на которых сидели по два гитлеровских бандита, вооруженных пулеметами и другим оружием, в след за которыми бежала группа фашистских бандитов 10–12 человек с оружием ... В виду данных обстоятельств я бросилась к телефону, чтобы сообщить о данном явлении городским организациям, но телефонная связь уже не работала. Тогда я организовала коммунистов на уничтожение оборудования и ценных документов завода ... В период окружения на заводе оставалось недоброкачественное сырье 9850 литров, которое пожрали немецкие собаки, которое в употребление было не пригодно» [9].

Вторая волна эвакуации, пришедшая на летние месяцы 1942 г., оставила в памяти более отчетливые воспоминания. Запомнились долгие сборы «неизвестность», «вокзальная толкучка» и «штурм вагонов»: «Вскоре я услышал странное, непонятное слово эвакуация. Оказывается, нам надо было уезжать в какую-то среднюю Азию. Эвакуировались целыми предприятиями. С оборудованием, семьями. Готовился к отъезду и кожзавод, где работал отец. Мать сушила сухари, упаковывала вещи... На вокзале нас встретило удручающее зрелище. Обессиленные люди подтаскивали свои вещи. Городской транспорт тогда уже не работал <...> Было уже темно. Сам вокзал сгорел. Стоял лишь его скелет. Воняло гарью. Посадка шла ночью. Походила она на штурм средневековой крепости. Никаких билетов, никаких проводников. Вот вагон. Вот толпа. Вот груда вещей. Высокие ступеньки и узкие двери. Вся эта орущая возбужденная детским плачем масса людей была неуправляемой стихией» [10]. Сильно запаздывавшей информацией, стоившей жизни отправлявшимся в эвакуацию: «Мы никогда не знали, что и где происходит. Когда отправляли эвакуированных на юг, в сторону Сальска, никто не знал, что танки немцев уже устремились туда» [11].

Головоотяпством руководства, не позаботившегося о том, чтобы поставить в известность людей, отправляемых в эвакуацию о надлежащей экипировке: «Я уже писала о том, что руководство Ростиздата не сочло нужным известить внештатных сотрудников об его эвакуации, не посчитавшись с тем, что на каждой странице газеты “Прямой наводкой” под карикатурами стояли наши подлинные фамилии. Можно предположить, что именно поэтому Лена взяла с собой в эвакуацию полный комплект газеты – все 24 номера, которые находились в издательстве. А дальше последовало стечение роковых обстоятельств, которое стоило жизни Лене, её родителям и ряду сотрудников, выехавших из Ростова вместе с ними. Их по неизвестным причинам высадили из поезда где-то в степи, на востоке Ростовской области. Оттуда они добрались пешком до станции Будённовской или Пролетарской, где попали к немцам. При обыске у Лены обнаружили комплект газеты “Прямой наводкой”. Все, в том числе и Лена с родителями, были расстреляны» [12]. Спешным выездом из города руководства и начавшейся эвакуацией учреждений: «Исподволь и без огласки началась эвакуация учреждений.

Вспомнилось, как мы, трое подружек ещё со студенческих времен, аспирантки университета и пединститута, движимые советским патриотизмом, отправились в Кировский райком ВКП (б), чтобы приобщиться к партизанскому движению в тылу оккупантов и получить соответствующее полномочия и инструкции. Райком встретил нас распахнутыми дверями и окнами, в пустых помещениях гулял ветер. Партийное руководство заблаговременно смотало удочки, и след его давным-давно простыл». И вынужденным, принятым под воздействием силы обстоятельств, решением остаться: «За всеми этими делами я так ничего и не узнала об эвакуации Пединститута. Но до меня дошёл слух, что на станции Ростов-Товарная готовится к отправлению эшелон с сотрудниками университета. Оставив дома маму и сына, я буквально под бомбами, укрываясь в воронках, побежала туда. Надеялась, что нас тоже возьмут. Но там мне сообщили, что эшелон переполнен и “чужаков” не берут. Мы поговорили с мамой и решили остаться. Уходить пешком было безумием» [13].

С болью отмечалась и позиция властей, или «того, что от них осталось», убеждавших жителей в том, что Ростов-на-Дону сдан не будет. По истечении стольких лет появилось и практическое оправдание такой деятельности власти, которое связывалось с необходимостью остановить паническое бегство населения, могущее затруднить отход воинских подразделений. Однако здесь же отмечалось, что «со временем описанная выше тактика приобрела весьма неприятный привкус иезуитизма: сознательно удерживали граждан от эвакуации, а после войны возложили на них весь груз ответственности за то, что они оставались на оккупированной территории, и организовали подлую кампанию преследования за эту провинность. Ещё один штрих к характеристике той системы, которую настойчиво именовали социалистической и самой [14]. «Да никто не уехал, никто не успевал, кто успел уехать заранее. Кто мог возможность иметь какую-то. Не было той возможности. Это оккупация была, брошенные наши были, почему сейчас люди обижаются» [15].

Вместе с тем, память очевидцев событий того времени хранит и благодарное отношение к власти, позволившей уехать после «ужасов первого нашествия немцев» и принявшей на новом месте: «А я хочу Вам сказать, что наше правительство сдавать Ростов не собиралось, не хотели, ключ к Кавказу. Очень многие уехали до первых немцев, просто началась война, и они уехали. А те, кто не уехали, вот значит нам вот эвакуантчики, те которые на Кузнецком мосту в Москве, у нас этих нет. Ну, может там что-то и есть, я не писала туда письмо. У меня есть доказательство того, что я была в Казахстане, у меня комсомольский билет на казахском языке. У меня есть, что когда мы уехали, значит, что я закончила 10 классов. Потом в марте месяце, ранней весной забирала под чистую. И забрали папу в армию в марте месяце. У меня есть его военный билет, когда и с какого адреса его забрали. Все вот в том адресе. Вот, значит, мы поехали и уехали последним поездом» [16]. Во всех этих воспоминаниях память нередко «добирает» недостающее свидетелям знание из будущего, помогая, тем самым, справиться с пониманием ситуации прошлого. Ее абберрация во многом вызвана происходящим переосмыслением событий военного времени в целом, а также усиленным вниманием профессионального сообщества к возможностям и содержательной составляющей индивидуальной памяти.

Несколько иначе «помнят» эвакуацию архивные источники. Одним из наиболее информативных их видов остаются протоколы бюро партийных комитетов. Содержание и характер, располагаемых ими сведений, как правило, не выходят за пределы рассматриваемых текущих вопросов. При этом запланированная к обсуждению повестка дня не всегда находит отражение в части утвержденных постановлений либо ограничивается предельно краткой формулировкой о «принятии к сведению». 25 – 27 мая 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б), заслушав пересланное из редакции газеты «Правда» письмо рабочего («по-видимому, из Бело-Калитвенского района» [так в тексте, в современном написании – Белокалитвенского – Авт.] о «преступных делах, связанных с эвакуацией, постановило: передать письмо в областную прокуратуру для проведения расследования и предания суду виновных, если сообщение подтвердится» [17]. Двумя месяцами ранее рассматривалось пересланное начальником политотдела Н-ской дивизии письмо не успевшей эвакуироваться дочери красноармейца Сысоева из колхоза «Красный маяк»

Хлеборобинского сельсовета Целинского района. Секретарю райкома поручалось выяснить достоверность изложенных в нем фактов и передать их в обком. В ссылке к пункту постановления сообщалось, что *«решения приняты 25/III – 42 г.»* [18]. Тем не менее, перечень вопросов, выносимых на заседания бюро, рассекречиваемые материалы приложений по ряду обсуждаемых вопросов, передают общую атмосферу времени и реакцию на нее главного областного органа власти.

В повестку дня заседаний бюро Ростовского обкома ВКП (б) вопрос об эвакуации был поставлен 2 сентября 1941 г. К этому времени становится очевидным, что война приобретает затяжной характер, а скорость продвижения противника вглубь советской территории не оставляет надежд на сохранение в полном объеме *«людского контингента и ценного имущества»*. Речь шла о срыве важнейших правительственных мероприятий по обеспечению вагонами эвакуируемых предприятий и грузов. По этому поводу в докладной записке с характерным названием *«Анализ состояния оборота вагонов по Ростовскому отделению движения железной дороги им. Ворошилова»* отмечалось, что *«наметившееся до войны улучшение работы с вагонами сошло на нет... Оборот вагона в военное время ухудшился... Технический простой вагонов только за май месяц при норме 10,2/11,1 составил 15,3/21,5 [в числителе – крытый или открытый подвездной состав, в знаменателе – цистерны – Авт.]. За десять дней июня перепростой составил 14,5/19,1. После начала войны в июле месяце он достиг 16,1/22, а за 10 дней августа – 19,2/15,5»* [19]. Причины столь тревожащего положения дел связывались исключительно с человеческим фактором: *«Многие железнодорожники сразу после начала войны перестали вести борьбу за быстрейший оборот вагонов, перестали беспокоиться о своевременной и быстрой передаче местного груза, развозе его внутри отделения, подаче вагонов к местной нагрузке и погрузке, уборке вагонов по окончании грузовых операций <...> Идет неприем поездов на Марцево [железнодорожная станция, в настоящее время находящаяся в черте г. Таганрога – Авт.] в связи с прекращением продвижения грузов на дороги Запада и обработкой поездов с эвакогрузами, когда многие вагоны непроизводительно простаивают в ожидании вынесения нового назначения <...> Ситуацию ухудшают и крупнейшие предприятия. Россельмаш передержал в мае свыше нормы 705 вагонов на 1475 час. 30 мин.; за 10 дней июня – 224 вагона на 357 час. 20 мин.; в июле – 593 вагона на 1847 час.; за десять дней августа – 240 вагонов на 691 час. 50 мин.»* [20]. Беспечное, а в ряде случаев преступное отношение отдельных руководителей станций и предприятий к вопросу организации выгрузки, по мнению членов бюро, в конечном итоге, и стало основной причиной заторов на пути передвижения эвакуационных грузов. Выходом из создавшейся ситуации виделось усиление партийного руководства состоянием грузооборотов на железных дорогах и поднятие самодисциплины железнодорожников.

Схожая ситуация наблюдалась и в других регионах страны. Так, в качестве одной из *«вполне определенных причин, по которым невозможно было провести полномасштабную эвакуацию жителей»* Сталинграда современный исследователь указывает на *«загруженность переправ»*. В июле и начале августа 1942 г. через город в глубокий тыл перевозились хлеб, техника, перегонялся скот. Приводимые в исследовании факты свидетельствуют о том, что эвакуация населения велась низкими темпами и по причине переоценки городским руководством сроков и возможностей немецкого наступления. В результате немецких бомбардировок были разрушены все причалы, через которые планировалась эвакуация населения на левый берег Волги. В то же время, по свидетельству приводимого и ранее засекреченного архивного документа за подписью начальника Управления АДС ЮВФ* от 20 августа (за четыре дня до уничтожения всех причалов ударами с воздуха), большинство предприятий и организаций города строительством переправ не занимались. В записке на имя председателя Сталинградского областного совета депутатов трудящихся указывалось на необходимость *«принятия мер по ликвидации благодущия среди предприятий и организаций по постройке паромов»* и доводилось до сведения *«предприятий и организаций, на которые возложено*

* Автотранспортная и дорожная служба Юго-Восточного фронта.

строительство переправ, что в случае необходимости военные переправы для эвакуации гражданского населения предоставлены не будут» [21].

На этом же заседании Ростовского обкома ВКП (б) от 2 сентября 1941 г. рассматривалось и состояние детских домов, эвакуированных в Ростовскую область. Их инспектирование было инициировано решением оргбюро ЦК ВКП (б) от 22 августа 1941 г. Проверка выявила отсутствие в ряде районов нормальных бытовых условий для проживания эвакуированных детей, необеспеченность их надлежащим медицинским обслуживанием. В Раздорском районе 38 детей болели корью, 20 – свинкой; в Мечетинском районе – 16 чел. на момент осмотра *«страдали ангиной»*. Располагавшийся здесь детдом находился в бывшем пионерском лагере, единственное здание которого было абсолютно не приспособлено к зимним условиям. Текла крыша, отсутствовали прачечная и столовая. Дети спали *«по два человека на соломенных подушках»*, отсутствовали кровати. В Багаевском районе детский дом размещался в небольшом помещении, где отмечалась *«большая детская скученность»*. За отсутствием кроватей дети спали на полу, практически отсутствовала кухонная и столовая посуда. Такое же положение наблюдалось и в Калмыцком, Раздорском, Неклиновском районах области. Районным партийным организациям, чье безответственное отношение признавалось источником *«ненормального положения эвакуированных детей»*, вменялось в обязанность его скорейшее исправление [22]. Детские дома и школа-интернат глухонемых детей Сталинградской области в другие регионы не эвакуировались. Согласно постановлению бюро Сталинградского обкома ВКП (б) от 13 июля 1942 г. под грифом *«Строго секретно»*, в связи с приближением линии фронта они подлежали эвакуации в тыловые районы области. Для этой цели предполагалось мобилизовать необходимое количество подвод и автотранспорта. О дальнейшей судьбе эвакуированных документы не сообщали [23].

И только 24 октября 1941 г. после получения телеграфной депеши за подписью И.В. Сталина бюро приступило к непосредственному рассмотрению вопроса о массовой эвакуации. В ней, в частности отмечались необходимость *«1) образовать комитет по эвакуации вглубь страны из работников прифронтовой полосы продовольственных запасов, запасов мануфактуры, текстильного оборудования и сырья, кожевенного оборудования и сырья, оборудования холодильников, оборудования обувных, швейных, табачных фабрик и мыловаренных заводов, табачного сырья и махорки, мыла и соды в составе Микоян (председатель), Косыгин, Каганович, Смирнов, Зотов, Шатов; 2) обязать комитет проводить эвакуацию всеми средствами: железными дорогами, водным транспортом, автомобилями, подводами; 3) предоставить 26 октября план эвакуации грузов, перечисленных в п. 1» [24].* 12 декабря 1941 в соответствии с указаниями Военного совета Южного фронта было принято решение об эвакуации скота, тракторов, комбайновых моторов, сельскохозяйственного инвентаря и *«прочего ценного имущества и оборудования из колхозов, совхозов, МТС и других организаций через Сталинградскую область в Казахскую ССР»*. При этом разрешалось оставить необходимое количество рабочего тягла (волов, лошадей) и тракторов для производства текущих работ [25]. На протяжении августа – декабря 1941 г. областное бюро неоднократно возвращалось к рассмотрению вопроса об эвакуации скота, отмечая связанные с нею нарушения: отсутствие оборудованных стойл по пути перегона скота; надлежащего количества кормов и погонщиков; *«несознательное»* поведение жителей Сталинградской области, отбивающих эвакуированных волов и лошадей для собственных нужд; большой процент падежа скота [26].

В Сталинградской области эвакуация скота, решение о которой было принято 13 июля 1942 г. [27], по состоянию на 17 августа в одном только Красноармейском районе определялась *«крайне неясной»* и с множеством недоразумений. Рассредоточенность подлежавшего эвакуации скота по нескольким переправам делала его численность *«неизвестной»*: *«Получилось это от того, что до 7.VIII скот к эвакуации не готовился, а с этого числа его формировали часами в связи с создавшейся тяжелой обстановкой. <...> Принятыми мною мерами за последние дни значительно выправлено положение, много разбросанного скота найдено и согнано к общим гуртам, подобраны дополнительно люди, улучшаются бытовые условия погонщиков. Рабочий скот часто используется с эвакуированными колхозниками, учреждениями и другими организациями, часто*

используется на работах, но часть скота этого еще не найдена, так как в момент эвакуации находилась вне села и поля колхоза» [28].

В разгар боевых действий на южном фронте бюро обкома совместно со штабом 56-й армии рассматривало предложения последнего о выселении гражданского населения из прифронтовой полосы, фактически осуществляя внутреннюю эвакуацию. 16 декабря 1941 г. принимается постановление «О выселении гражданского населения из районов действия войск армии». 2 января 1942 г. выносится решение о выселении к 10 января 1942 г. гражданского населения из сел Совет и Кирпичево-Александровское Больше-крепинского района и размещении его в других населенных пунктах Родионово-Несветайского и Белокалитвенского районов [29]. Однако каким образом и в какой мере осуществлялись принятые постановления остается только догадываться. В свою очередь, благодаря докладной записке представителя областного управления милиции о проведении эвакуации населения в с. Дубовый Овраг Красноармейского района Сталинградской области, становится понятен механизм эвакуации населения из районов боевых действий. На начало эвакуации, проводившейся 15-й гвардейской дивизией, 27 октября 1942 г. в селе насчитывалось 544 семьи или 1734 чел. Выселение производилось до 4 декабря. С того времени «транспорт под эвакуированных не подавался, и эвакуация не производилась. Только из-за отсутствия транспорта. Стоящая часть 76 УР совершенно отказалась от выселения, т.к. у них нет приказа по Дубовскому Оврагу и нет транспорта. 5/XI нами произведена перепись оставшегося населения в с. Дубовый Овраг, в результате этой переписи оказалось проживающими 260 семей, или 651 чел. Помимо этого, в М. Чепурниках проживает 60 семей, или 300 человек, ранее вывезены из с. Дубовый Овраг и оставлены по причине отсутствия транспорта (машин), которые обязаны были перевозить дальше. Таким образом, люди в М. Чепурниках находятся в наихудшем положении и пытаются переселиться в Дубовый овраг. А всего подлежит эвакуации 320 семей, или 951 человек, а задержка происходит только из-за отсутствия транспорта» [30].

6 апреля 1942 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б) заслушало сообщение областной прокуратуры о «непорядках при эвакуации в Чернышевском районе». Готовя хозяйства к эвакуации, руководители ряда районных МТС получили на основании распоряжений секретаря Чернышевского райкома в колхозах продукты питания (пшеницу, просо, мясо) и «длительное время с колхозами за эти продукты не рассчитывались». В свою очередь, секретарь райкома, дав распоряжение об обеспечении продуктами питания работников МТС на время нахождения их в пути, «не проконтролировал за тем, чтобы взятые продукты пошли по прямому назначению и своевременно за них были выплачены колхозам деньги». По результатам проведенной проверки секретарю райкома ВКП (б) был объявлен строгий выговор с предупреждением «за бесплатное получение, а по существу растаскивание скота и зерна из колхозов». Особое внимание обращалось на увеличившееся за время начала войны количество «неправильно принимаемых решений»: вопросы рассматривались не на заседаниях партийной организации, «а путем дачи записок от райкома за подписью его секретаря» [31].

Уже после окончательного освобождения Ростовской области в 1943 г. бюро Ростовского обкома ВКП (б) рассмотрело «Материалы по эвакуации фабрики № 1 им. Шкирятова», анализ которых позволяет хотя бы частично оценить степень эффективности проведенной эвакуации промышленных предприятий города. Из них следовало, что телеграфным распоряжением наркома легкой промышленности от 22 сентября и приказом РОУЛП (Ростовского областного управления лесной промышленности) от 24 октября 1941 г. директору швейной фабрики было предложено эвакуировать оборудование, материальные ценности и необходимых специалистов. Местом эвакуации была избрана Бухара. Однако погрузка, для которой выделялись 15 вагонов, началась 23 октября на основании распоряжения областных органов власти. Погрузка производилась двумя эшелонами. Первый из них с основным оборудованием и ценностями был отправлен из Ростова-на-Дону 29 октября; второй в количестве трех вагонов с оставшимся оборудованием и приспособлениями – 5 ноября. Оборудование и ценности свозились на береговую территорию военного склада № 166 и «уже оттуда по мере поступления вагонов производилась непосредственная погрузка». Было эвакуировано

435 швейных машин разного класса, 101 электро-мотор, 486 различных приспособлений и «механических мест», все запчасти и материалы из кладовой, 15 станков, материальных ценностей на сумму 1857,5 тыс. руб., а также ряд ответственных специалистов фабрики и часть высококвалифицированных рабочих. Эвакуация производилась через Баку, куда вагоны, прибыв 1 и 8 ноября, встали в очередь на переправу через Каспийское море. Однако уже 12 января 1942 г. руководство обкома и горсовет приняли решение о возвращении всех предприятий РОУЛПа в Ростов-на-Дону. 1 февраля эшелон в составе 9 пульмановских вагонов с ранее эвакуированным оборудованием и материальными ценностями фабрики был отправлен по новому месту назначения. По заключению технической комиссии обкома, все своевременно эвакуированное имущество *«доставлено полностью, за исключением пропавших пошивочных материалов и фурнитуры, ... оставшиеся не эвакуированными ценности частично были расхищены, а частью пришли в негодность»* [32].

Еще одним зримым «следом» эвакуации, нашедшим отражение в партийных документах, стала чистка рядов областной организации ВКП (б). Начавшаяся после первого освобождения области сверка партийных билетов повлекла за собою и выяснение конкретных обстоятельств, не позволивших коммунистам области «вовремя» эвакуироваться. И.А. Марфин, член ВКП (б) с 1931 г., работавший в 1941 г. агентом склада НКЮ, в феврале 1942 г. был исключен из партии по причине проявленной политической неустойчивости: *«Марфин эвакуироваться не хотел, не эвакуировал и свою семью, остался в Ростове, оккупированном немцами. Партбилет уничтожил»* [33]. Участковый зоотехник Большекрепинского района В.Н. Калмыков, также уничтоживший партбилет, был исключен *«за пособничество немецким оккупантам»*. Оставшись в станице, оккупированной немцами, по причине *«нежелания эвакуироваться»*, возил корм *«для лошадей немецких войск, выполнял все поручения старосты, купил икону и повесил ее в своей квартире. На квартире проживали немцы»* [34]. М.С. Болтовская, работавшая сторожем в театре им. Горького, в октябре 1941 г. получила эвакуист и, *«имея полную возможность эвакуироваться, осталась в Ростове, оккупированном немцами. Партбилет уничтожила, причем уже второй раз»* [35]. Мать двоих взрослых дочерей, ручница-швейница 2-й швейной фабрики, *«во время оккупации немцами Ростова осталась, и эвакуироваться не хотела, мотивируя отсутствием средств. Рыжкова также не эвакуировала свою семью. Оставшись в Ростове, уничтожила свой партбилет и 2 комсомольских билета своих дочерей»* [36]. После окончательного освобождения области в феврале 1943 г. обкомом были составлены *«списки комсомольцев и коммунистов, оставшихся на временно оккупированной фашистскими войсками территории Ростовской области»* [37].

Выводы

На сегодняшний день в понимание механизмов осуществлявшихся эвакуационных мероприятий и оценки степени их эффективности включаются не только традиционные представления, длительное время основывавшиеся на архивном комплексе документов, но и индивидуальная память очевидцев того времени. Под их воздействием эвакуация из плоскости мероприятия государственной важности перемещается в область человеческих судеб. При этом и официальные документы, и воспоминания тех, кто непосредственно пережил эвакуацию, грешат *принципиальной* неполнотой, связанной, прежде всего, с их непосредственным предназначением. Так, если первые отражают намерения и видение конкретной ситуации органами власти в момент совершения того или иного действия, то вторые фиксируют ее спустя некоторое время и передают уже несколько иные впечатления.

Тем не менее, именно их взаимодействие способно привести в изучение рассматриваемой проблемы недостающую ей исследовательскую динамику и полноту. Вместе с тем, как показал анализ формируемых официальными источниками образов эвакуации по Ростовской и Сталинградской областям они все еще остаются доминирующими в восприятии событий того времени. И дело не только в сохраняющейся монополии и преобладании одного вида исторического свидетельства над другим. В данном случае исследовательскую оптику определяет не вид источника, а место исторической памяти, в пространстве которой «ворота Кавказа и Волги» могли быть оставлены только под воздействием обстоятельств чрезвычайной важности.

Примечания:

1. Потёмкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003; Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. № 6; Яшин С.В. Эвакуационные перевозки в годы Великой Отечественной войны URL: <http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/2008/june-08.htm> (дата обращения: 23.02.2014); Проект А. Бергмана «Детство, опаленное огнем Катастрофы: Эвакуация». URL: <http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html> (дата: 2.03.2014).
2. Скворцов М.В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе – сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). С. 41.
3. Линец С.И. Указ. соч. С. 51.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. С. 13.
5. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).
6. А. Карапетян // Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов н/Д., 2006. С. 54.
7. А. Агафонов // Там же. С. 46.
8. А. Котлярова // Там же. С. 62.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.Р–3. Оп. 2. Д. 12. Л. 99–100.
10. Е. Комиссаров // Там же. С. 107.
11. М. Вдовин // Там же. С. 127.
12. Бакулина Н.В. Пасмурные дни (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (дата обращения: 21.01.2014).
13. Там же.
14. Там же.
15. Респондент: Моисеев Евгений Васильевич, 1927 г.р. Интервьюеры: Е.Ф. Кринко, Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, квартира респондента. Продолжительность 201 мин. Запись 23 января 2014 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
16. Респондент: Кремьянская Сильвия Яковлевна, 1926 г.р. Интервьюеры: Т.Г. Курбат, Т.П. Хлынина. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, ИСЭГИ ЮНЦ РАН. Продолжительность 80 мин. Запись 16 октября 2012 г. // Архив лаборатории истории и этнографии ИСЭГИ ЮНЦ РАН.
17. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 350. Л. 204.
18. Там же. Д. 336. Л. 83.
19. Там же. Д. 314. Л. 6.
20. Там же. Л. 28.
21. Скворцов М.В. Указ. соч. С. 42. Текст документа в статье приводится полностью.
22. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 314. Л. 31.
23. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы: документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. Волгоград, 2008. С. 9–10.
24. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. О. 1. Д. 314. Л. 35.
25. Там же. Л. 45.
26. Там же. Л. 48 – 50.
27. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы: документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 10.
28. Там же. С. 11–12.
29. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. Оп. 1. 324. Л. 12.
30. Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы: документы и материалы из фондов ГУ ЦДНИВО. С. 11.
31. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. Оп. 1. Д. 324. Л. 56.

32. Там же. Ф.Р. – 3. Оп. 2. Д. 12. Лл. 76, 77.
33. ЦДНИРО. Ф.Р.–9. Оп. 1. Д. 327. Л. 181.
34. Там же. Л. 183 – 184.
35. Там же. Л. 181.
36. Там же. Л. 182.
37. Там же. Д. 12. Лл. 76, 77.

References:

1. Potyomkina M.N. Yevakuacija i nacional'nye otnosheniya v sovetskom tylu v gody Velikoi Otechestvennoi voyny (na materialah Urala) // Otechestvennaja istorija. 2002. № 3; Linec S.I. Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemecko-fashistskoj okkupacii: sostojanie i osobennosti razvitija (iyul' 1942 – oktjabr' 1943 gg.). Rostov n/D., 2003; Kumanev G.A. Voyna i yevakuacija v SSSR. 1941 – 1942 gg. // Novaja i noveishaja istorija. 2006. № 6; Jashin S.V. Yevakuacionnye perevozki v gody Velikoi Otechestvennoi voyny URL: <http://www.zdt-magazine.ru/publik/history/2008/june-08.htm> (data obrasheniya: 23.02.2014); Proekt A. Bergmana «Detstvo, opalennoe ognem Katastrofy: Yevakuacija». URL: <http://www.lost-childhood.com/o-proekte/neskolko-slov-o-nashem-proekte.html> (data: 2.03.2014).
2. Skvorcov M.V. Problemy istorii yevakuacii naseleniya iz Stalin-grada v avguste – sentjabre 1942 goda: rol' mestnyh organov vlasti // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 38 (176). S. 41.
3. Linec S.I. Ukaz. soch. S. 51.
4. KPSS v rezolyucijah i reshenijah s'ezdov, konferencii i Plenumov CK. M., 1971. T. 6. S. 13.
5. Bakulina N.V. Pasmurnye dni (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (data obrasheniya: 21.01.2014).
6. A. Karapetjan // Smirnov V.V. Rostov pod ten'yu svastiki. Rostov n/D., 2006. S. 54.
7. A. Agafonov // Tam zhe. S. 46.
8. A. Kotljaroza // Tam zhe. S. 62.
9. Centr dokumentacii noveishei istorii Rostovskoi oblasti (dalee – CDNIRO). F.R.–3. Op. 2. D. 12. L. 99–100.
10. E. Komissarov // Tam zhe. S. 107.
11. M. Vdovin // Tam zhe. S. 127.
12. Bakulina N.V. Pasmurnye dni (1933 – 1953). URL: http://donvrem.dspl.ru/files/article/m14/1/art.aspx?art_id=883 (data obrasheniya: 21.01.2014).
13. Tam zhe.
14. Tam zhe.
15. Respondent: Moiseev Evgenii Vasil'evich, 1927 g.r. Interv'yuary: E.F. Krinko, T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, kvartira respondenta. Prodolzhitel'nost' 201 min. Zapis' 23 janvarja 2014 g. // Arhiv laboratorii istorii i yetnografii ISYeGI YUNC RAN.
16. Respondent: Kremjanskaja Sil'vija Jakovlevna, 1926 g.r. Interv'yue-ry: T.G. Kurbat, T.P. Hlynina. Mesto provedeniya: g. Rostov-na-Donu, ISYeGI YUNC RAN. Prodolzhitel'nost' 80 min. Zapis' 16 oktjabrja 2012 g. // Arhiv laboratorii istorii i yetnografii ISYeGI YUNC RAN.
17. CDNIRO. F.R.–9. O. 1. D. 350. L. 204.
18. Tam zhe. D. 336. L. 83.
19. Tam zhe. D. 314. L. 6.
20. Tam zhe. L. 28.
21. Skvorcov M.V. Ukaz. soch. S. 42. Tekst dokumenta v stat'e privoditsja polnost'yu.
22. CDNIRO. F.R.–9. O. 1. D. 314. L. 31.
23. Okkupacija. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalin-gradskoi bitvy: dokumenty i materialy iz fondov GU CDNIVO. Volgograd, 2008. S. 9–10.
24. CDNIRO. F.R.–9. O. 1. D. 314. L. 35.
25. Tam zhe. L. 45.
26. Tam zhe. L. 48 – 50.
27. Okkupacija. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalin-gradskoi bitvy: dokumenty i materialy iz fondov GU CDNIVO. S. 10.
28. Tam zhe. S. 11–12.
29. CDNIRO. F.R.–9. Op. 1. 324. L. 12.

30. Okkupacija. Mirnoe naselenie goroda i oblasti v period Stalin-gradskoi bitvy: dokumenty i materialy iz fondov GU CDNIVO. S. 11.
31. CDNIRO. F.R.–9. Op. 1. D. 324. L. 56.
32. Tam zhe. F.R. – 3. Op. 2. D. 12. Ll. 76, 77.
33. CDNIRO. F.R.–9. Op. 1. D. 327. L. 181.
34. Tam zhe. L. 183 – 184.
35. Tam zhe. L. 181.
36. Tam zhe. L. 182.
37. Tam zhe. D. 12. Ll. 76, 77.

УДК 94/47.084.8

**Эвакуация гражданского населения и материальных ценностей в годы
Великой Отечественной войны: память VS документ**

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена восприятию эвакуации населением и ее отражению в Архивном фонде. В ней рассматриваются особенности воспоминаний очевидцев о событиях 1941–1942 гг. Раскрываются возможности архивных источников в понимании логики осуществления и срыва эвакуационных мероприятий. Отмечается содержательное несовпадение источников личного и официального происхождения, анализируются их исследовательские возможности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; эвакуация; гражданское население; материальные ценности; воспоминания; архивные документы; Ростовская и Сталинградская области.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 80-84, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.80

www.ejournal15.com

UDC 93/94

“The Forgotten War” in the Interior of the “Times and Epochs” Military-Historical Festival: A New Life and Research Potential *

Tat'yana G. Kurbat

Institute of Social and Economic Research of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Prospekt Chekhov, Rostov-on-Don, 344006

Abstract. This article is dedicated to the analysis of reconstructing World War I events through the “Times and Epochs” military-historical festival. It also examines the history of the making and development of the military-historical reconstruction movement in Russia.

Keywords: military-historical reconstruction; military-historical festival; World War I; “living history”.

Введение

Военно-историческая реконструкция в настоящее время является массовым общественным движением в современной России и мире, состоящим из военно-исторических клубов и групп, которые занимаются экспериментальным изучением военной истории. Благодаря ориентации на социально одобряемую деятельность, реконструкторы стали одной из наиболее популярных субкультур [1]. Ее представители занимаются реконструкцией военной униформы, экипировки и вооружения, а также повседневной гражданской одежды и предметов быта различных слоев общества, а иногда и фольклорных традиций, что позволяет участникам движения добиться эффекта «погружения» в культуру того или иного исторического периода, наиболее достоверно донести ее массовому зрителю.

Материалы и методы

При написании статьи использовались материалы периодической печати и Интернет-ресурсы, освещавшие анализируемое мероприятие. Основным методом стал метод включенного наблюдения, использовались также впечатления автора, являвшегося непосредственным участником военно-исторического фестиваля «Времена и эпохи».

*Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Мировые войны и опыт решения оборонных, народно-хозяйственных и политических проблем на юге страны в чрезвычайных условиях военного времени» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности» на 2012–2014 гг.

Обсуждение

Первые попытки исторической реконструкции существовали еще в древнем Риме, когда одержанные победы отмечались массовыми представлениями для публики, «воссоздававшими» битвы. При Николае I воспроизводились события Бородинской битвы [2]. Формирование современной военно-исторической реконструкции в России берет свое начало со второй половины 1970-х гг., когда группа студентов из Ленинграда решила воссоздать облик офицеров наполеоновской армии. Со временем они объединились в военно-историческое общество «Империя», основной деятельностью которого стала демонстрация офицерских мундиров, организация публичных лекций по истории наполеоновских войн [3]. Немаловажную роль в зарождении и развитии реконструкторского движения в стране сыграл ЦК ВЛКСМ, под руководством которого с 1989 по 1991 гг. военно-патриотические клубы были объединены в Федерацию военно-исторических клубов, впервые в СССР организовавшую поход по местам сражений Отечественной войны 1812 г. [4]. В 1989 г. была проведена первая военно-историческая реконструкция Бородинского сражения. В настоящее время перечень реконструируемых эпох и сюжетов стал достаточно широк – это античность (Древняя Греция и Древний Рим), Средневековье, Наполеоника, Первая и Вторая мировые войны, локальные конфликты XX в.

Несмотря на то, что «мода» на увлечение военно-исторической реконструкцией брала свое начало в Москве и Санкт-Петербурге, в настоящее время практически в каждом российском регионе есть несколько военно-исторических клубов и групп. Реконструкторское движение в Ростовской области возникло в конце 1980-х гг., но первоначально не было оформлено в виде какого-либо клуба или организации. Первым мероприятием, проведенным и получившим освещение в местной прессе, стала выставка «Оловянной миниатюры» в одном из парков города в 1990 г. Это событие собрало любителей военной истории, в результате чего и был создан Донской военно-исторический клуб имени атамана М.И. Платова. Первое военно-историческое мероприятие, организованное ростовскими реконструкторами, было посвящено периоду Гражданской войны. В 1993 г. была организована реконструкция Первого Кубанского похода («Ледяного» похода). Участники данного мероприятия повторили путь отступления Белой армии в 1918 г. из Ростова-на-Дону к Екатеринодару (в настоящее время – Краснодар). Реконструкторы области прошли маршем из Ростова-на-Дону до станицы Ольгинской Краснодарского края. Именно с этого момента можно считать, что в Ростовской области зародилось реконструкторское движение. Сейчас здесь насчитывается около десяти военно-исторических клубов, численность которых различается, составляя в среднем от 5 до нескольких десятков человек.

В настоящее время ведущую роль в реконструкторском движении в Ростовской области играет Донской военно-исторический музей, коллектив которого не только участвует в выездных военно-исторических мероприятиях, но и является одними из главных организаторов масштабных реконструкций областного и федерального значения. В сферу его интересов попадает 11 исторических эпох, от Средневековья до событий Афганской войны. Наиболее приоритетными и зрелищными являются реконструкции боевых эпизодов Великой Отечественной войны, происходивших на территории области. Это становится возможным благодаря тому, что в экспозиции музея имеется более 30 единиц действующей военной и гражданской техники первой половины 1940-х гг. [5]

Важное место в реконструкторском движении занимают военно-исторические фестивали. За 25-летнюю историю существования реконструкции возникло несколько традиционных фестивалей, проводимых ежегодно, например, «Бородино» или «Куликовская битва» [6]. В тоже время появляются новые фестивали, которые стремительно завоевывают популярность, как среди российских, так и зарубежных реконструкторов. Одним из таких мероприятий стал 4-й международный фестиваль «Времена и эпохи», посвященный 100-летию начала Первой мировой войны, проходивший на территории музея-заповедника «Коломенское» в г. Москве. Организаторами фестиваля являлись Русское военно-историческое общество, агентство исторических проектов «Ратоборцы». Соорганизатором выступил Донской военно-исторический музей. Информационную поддержку фестиваля обеспечивал телеканал «История» и другие московские радиостанции и печатные издания.

Особенностью этого фестиваля является сам формат его проведения – «Living History» («живая история»). Это достаточно молодое направление реконструкции, практикуемое в России с 2008 г. и заимствованное российскими реконструкторами во время участия в мероприятиях, проводимых за рубежом. Представители этого направления требовательно подходят к воспроизведению реконструируемой эпохи и ее материальной культуры и на время фестиваля максимально отказываются от использования современных предметов. [7]. Такая форма проведения фестиваля привлекла более 2 тыс. участников, в том числе 600 чел. из Украины, Белоруссии, Польши, Чехии, Словении, Болгарии, Франции, Великобритании, США и Японии [8]. Данный формат фестиваля придает ему, помимо развлекательного, и образовательное значение для его зрителей и участников. В условиях проведения таких масштабных исторических мероприятий реконструкторы имеют возможность встретиться с единомышленниками и обменяться накопленным опытом.

Структура фестиваля была тематически разделена на две демонстрационные площадки «Мир» и «Великая война», каждая из которых являлась ретроспективой жизни различных слоев российского общества начала XX в. В «мирной» части фестиваля были выделены несколько тематических пространств: «Аристократия», «Город», «Пролетариат», «Деревня» и «Ярмарка». В течение всего времени проведения фестиваля, помимо демонстрации образа жизни того или иного сословия, аутентичных нарядов, участниками реконструкции проводились различные развлекательно-образовательные мероприятия для зрителей.

Так, в пространстве «Аристократия» было представлено одно из любимых развлечений высшего общества – пикник. Участники-реконструкторы демонстрировали любимые развлечения богатого сословия: игры в петанк, крокет, серсо. Одной из образовательных сторон этой площадки стала демонстрация модных нарядов начала XX в., исполненных в точном соответствии с их прототипами. Всех желающих обучали навыкам фехтования, проводился и лучший турнир для гостей фестиваля.

Площадка город «Город» была интересна тем, что здесь были собраны и показаны наиболее значимые достижения науки начала века. Настоящим «открытием» для зрителей стал синематограф и телеграф. Все желающие смогли увидеть первые черно-белые короткометражные фильмы, раритетную фототехнику и первые автомобили, получить мастер-класс по обучению танцам того периода.

Тематически близко к демонстрационной площадке «Город» оказалось пространство «Пролетариат», в котором была сделана попытка воссоздать уклад жизни рабочего сословия в начале XX в. Здесь была организована подпольная типография, которая печатала «подрывные» листовки с призывами сбросить самодержавие, возникали стихийные демонстрации и проходили полицейские облавы.

Одной из самых ярких и самобытных демонстрационных площадок фестиваля стало тематическое пространство «Деревня», которое привлекло к себе особый интерес. Здесь был представлен хутор из хат-мазанок со скотным двором. «Жители» деревни демонстрировали повседневную жизнь крестьянства, устраивали шумные праздники с песнями и хороводами, куда активно вовлекались гости фестиваля. Для всех желающих проводилось обучение ткацкому, гончарному и кузнечному делу. Все поделки, сделанные зрителями вместе с участниками фестиваля, становились для них памятными подарками.

Пространство «Ярмарка» было, пожалуй, самым неоднородным. С одной стороны, оно было представлено реконструкторами, которые освоили какой-либо народный промысел и на глазах у зрителей изготавливали изделия и продавали их, а с другой стороны, данная развлекательная зона была использована предпринимателями, которые представляли товары, не относящиеся к представленной эпохе. В тоже время развлекательная составляющая была в духе традиционных ярмарок того периода. Для посетителей с детьми был организован кукольный театр, по улицам ярмарки ходили музыканты с традиционными народными инструментами. Для гостей фестиваля был организован турнир по традиционной борьбе имени Ивана Поддубного.

Все эти демонстрационные площадки отражали жизнь российского общества в период Первой мировой войны, максимально приблизив гостей фестиваля к укладу жизни различных слоев русского общества. Благодаря доступу к лагерям реконструкторов, зрители могли не только увидеть то, как проводят время, веселятся, или работают реконструкторы,

но и в неформальной беседе получить уникальные и интересные сведения «из первых рук» на интересующие вопросы. Кроме того, в пространстве «Мир» для зрителей была доступна возможность аренды исторического костюма любого из представленных направлений, вследствие чего они могли почувствовать себя полноправными участниками такого масштабного и красочного фестиваля.

Центральным событием фестиваля «Времена и эпохи» стала реконструкция наиболее значимых и трагических сражений периода Первой мировой войны – «Оборона крепости Осовец. Атака мертвецов», «Брусилловский прорыв», «Верденское сражение» и «Бой броневладельцев». В демонстрационном пространстве «Великая война» силами реконструкторов было представлено четыре военно-полевых лагеря: Германии, Австро-Венгрии, Великобритании и России, где участники воссоздали повседневную жизнь солдат на войне. Кроме этого, зрители могли наблюдать военные маневры представителей армий стран-участниц и проводимые в военных лагерях тактические учения. Особый интерес у гостей вызывал военно-полевой госпиталь, где проводились операции раненых в боях солдат. Также на территории военного лагеря силами Донского военно-исторического музея был организован тир, где каждый желающий мог попробовать себя в стрельбе из макетов реального оружия того времени, пройти курс молодого бойца или преодолеть полосу препятствий и на практике ощутить себя участником Первой мировой войны.

На фестивале также были представлены макеты и настоящее оружие и техника реконструируемого времени. Для этого была организована выставка, где гости фестиваля могли воочию увидеть оружие и боевые машины армий, участвовавших в войне. Здесь была представлена техника Донского военно-исторического периода Первой мировой войны – броневик «Остин», грузовик «Рено», немецкое орудие образца 1917 г. и русское орудие образца 1918 г. У коллектива музея была отличная возможность не только продемонстрировать технику на поле боя, но и представить бронетанковые войска Русской императорской армии. Реконструкторы и техника музея принимали участие в трех эпизодах военных сражений, представленных на фестивале.

Выводы

В целом, опыт организации и проведения фестиваля «Времена и эпохи», посвященного Первой мировой войне, позволяет считать, что он, как и другие подобные ему мероприятия, играют важную роль в сохранении исторической памяти современного российского общества. Участники и зрители военно-исторической реконструкции получают редкую возможность «прикоснуться» к прошлому, ощутить себя непосредственными свидетелями крупнейших исторических событий. В тоже время, мне, как его непосредственному участнику и человеку, профессионально занимающегося военной историей России, фестиваль позволил понять и прочувствовать на себе образ жизни людей ушедших эпох. Ведь историков сейчас интересует не только сражения и битвы, большой интерес вызывает бытовая и повседневная сторона войны. Участие в реконструкции и позволяет ответить на многие вопросы, с ними связанные.

Примечания:

1. Радченко Д.А., Писарев А.Е. Историческая реконструкция: нормативное пространство и фольклор субкультуры // Традиционная культура. 2012. № 1. С. 150.
2. Хабаров В. Направления развития военно-исторической реконструкции URL: http://www.8eme.eu/rus/art_reenact.html (дата обращения 08.07.2014).
3. Панов В.В. Что такое военно-историческая реконструкция. URL: <http://www.orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=10&topic=196> (дата обращения 08.07.2014).
4. Турусов В.П., Ульянов И.Э. История движения военно-исторической реконструкции в России. URL: <http://www.guardcrew.com/?q=node/179> (дата обращения 08.07.2014).
5. Стреляев И.Ю. Донской военно-исторический музей – музей живой истории // «Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа»: материалы международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6-7 июня 2013 г.). Ростов н/Д, 2013. С. 425–429.
6. Хабаров В. Указ. соч.

7. Там же.

8. Исторический фестиваль «Времена и эпохи. 1914/2014». [Б.м.], [Б.г.]. С фото отчетом о проведенном фестивале можно ознакомиться на официальной странице фестиваля «Времена и Эпохи». URL: <https://vk.com/historyfest>.

References:

1. Radchenko D.A., Pisarev A.E. Istoricheskaya rekonstruktsiya: normativnoe prostranstvo i folklor subkulturyi // Traditsionnaya kultura. 2012. № 1. P. 150.
2. Habarov V. Napravleniya razvitiya voenno-istoricheskoy rekonstruktsii URL: http://www.8eme.eu/rus/art_reenact.html (data obrascheniya 08.07.2014)
3. Panov V.V. Chto takoe voenno-istoricheskaya rekonstruktsiya. URL: <http://www.orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=10&topic=196> (data obrascheniya 08.07.2014)
4. Turusov V.P., Ulyanov I.E. Istoriya dvizheniya voenno-istoricheskoy rekonstruktsii v Rossii. URL: <http://www.guardcrew.com/?q=node/179> (data obrascheniya 08.07.2014).
5. Strelyaev I.Yu. Donskoy voenno-istoricheskii muzey – muzey zhivoy istorii // «Korennoy perelom v Velikoy Otechestvennoy voyne: k 70-letiyu osvobozhdeniya Dona i Severnogo Kavkaza»: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Rostov-na-Donu, 6-7 iyunya 2013 g.). Rostov n/D, 2013. P. 425–429.
6. Habarov V. Ukaz. soch.
7. Ibid.
8. Istoricheskiy festival «Vremena i epohi. 1914/2014».[Б.м.], [Б.г.]; S foto otchetom o provedennom festivale mozjno oznakomitsya na ofitsialnoy stranitse festivalya «Vremena i Epohi». URL: <https://vk.com/historyfest>.

УДК 93/94

«Забытая война» в интересе военно-исторического фестиваля «Времена и эпохи»: новая жизнь и исследовательские возможности

Татьяна Георгиевна Курбат

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН, Российская Федерация
младший научный сотрудник

Аннотация. Статья посвящена анализу воссоздания событий Первой мировой войны посредством военно-исторического фестиваля «Времена и эпохи». В ней также рассматривается история становления и развития движения военно-исторической реконструкции в России.

Ключевые слова: военно-историческая реконструкция; военно-исторический фестиваль; Первая мировая война; «живая история».

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 85-93, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.85

www.ejournal15.com

UDC 629.12: 94(47).083

Ministerial Campaigns: The “Izh” and “Shrapnel” Steamers

¹Nikolai V. Mityukov

²Lyudmila P. Portseva

¹Kamsky Institute of Humanities and Engineering Technology,
Izhevsk State Technical University, Russian Federation
Dr. Sci. Sciences, Associate Professor

²Izhevsk Trade and Economics College, Russian Federation
PhD (History), Associate Professor

Abstract. Based on archive documents and information from the periodical press, the author makes an attempt at reconstructing the biographies of the Izhevsk Pond steamers “Izh” and “Shrapnel”. The article is illustrated with archive drawings put into scientific circulation for the first time ever.

Keywords: Izhevsk; Izhevsk armories and steelworks; navigation; steamer traffic.

Введение

Проект первого парохода для ижевского пруда “Иж” разработали в 1892 г., именно этим годом датируются заводские чертежи, имеющиеся в фондах Центрального государственного архива Удмуртской Республики: “Чертеж машинного фундамента для парохода Ижевский завод” [1, от 31 июля 1892 г.], “Чертеж общего расположения труб на пароход в Ижевский завод” [2 от 12 августа 1892 г.] и другие. Интересно отметить, что в первых листах технической документации пароход числится как «Ижевский завод», и лишь позднее как «Иж». Основные размерения корпуса составляли: длина 16,8 м (55 футов), ширина корпуса – 2,9 м (9,5 футов), ширина с колесами – 6,1 м (20,2 футов), осадка – 0,61 м (2 фута). На судне стояла одна паровая машина мощностью 20 н.л.с.

Результаты

Судя по данным речного регистра, “Иж” начал навигацию на Ижевском пруду лишь в 1902 г. Такое различие в датах дало основание некоторым историкам утверждать, что в навигации были одновременно два парохода “Иж” и “Ижонок” [3]. Но ни архивные данные, ни свидетельства периодической печати этой теории не подтверждают. Мало того, имеется информация мемуарного характера, что пароход “Иж” из-за своих скромных размеров получил шутливое прозвище “Ижонок”. Тем не менее, возникает резонный вопрос, чем объясняется десятилетний перерыв с момента разработки проекта и временем начала навигации. Самое простое объяснение видится в трудностях доставки парохода в Ижевский пруд.

Первоначально разрабатывался план водной доставки парохода через реки Вотка – Сива – Кама – Иж [4, С. 29]. Но если путь до Камы от Воткинского завода был более-менее

освоенный, поскольку именно так пароходы переводились на Каму для достройки, то извилистый и мелководный фарватер Ижа требовал больших вложений для осуществления этой операции. Вторым альтернативным вариантом заключался в строительстве парохода так называемым "хозяйственным способом", когда практически на неподготовленном берегу осуществляется "отверточная" сборка. Хотя историки признают возможность такой операции, традиционно считается, что от этого варианта отказались из-за невозможности преодоления ряда объективных трудностей [4, С. 29]. Однако, как нам удалось выяснить, эксперименты в этом направлении отнюдь не завершились умозрительным экспериментом. Напротив, можно говорить об организации судостроения Ижевскими заводами. Как показал анализ речных регистров, за период 1898–1902 гг. начали навигацию как минимум два парохода, построенных Ижевскими заводами в Сарапуле хозяйственным способом: "Ижевск" и "Мария" [5].

Третий вариант предполагал доставку парохода на Ижевский пруд волоком. *"На Ижевских заводах собрали совет, чтобы назвать имя авторитетного, исполнительного и ответственного за сборку человека. Начальник интендантской службы охраны завода Крюков для этой должности подходил вполне"* [4]. В 1900-01 гг.* с помощью жителей близлежащих деревень отремонтировали дорогу Гольяны – Ижевский завод. Крюков лично изучил все спуски и подъемы, сделал необходимые расчеты и ранней весной отправился на Воткинский завод, чтобы осмотреть уже готовый пароход. Традиционная операция проводки пароходов из Воткинского пруда в Каму предполагала использовать весеннюю высокую воду, на волне которой, спущенной из пуда, пароход и доставлялся до Камы и далее пристани Галево. Первоначальный проект использования бревен и катков для волока на Воткинском заводе не одобрили, и посоветовали изготовить специальную галошу-волокушу, которую и заказали на Ижевских заводах. Обе стороны галоши-волокуши щетинились крючьями, на которые удобно крепились петли канатов. Спереди для удобства руления устанавливались две специальные лыжи. Используя данную ему власть, Крюков выхлопотал три десятка ломовых лошадей, которые обычно курсировали между Гольянами и Ижевскими заводами, переводя металл и оборудование.

Реализацию операции назначили на зиму, чтобы можно было несколько снизить трудозатраты. Воткинское начальство проект одобрило и даже обещало квалифицированную поддержку для преодоления первых 500 метров – до палаточного лагеря. В полдень 44 тяжеловоза при поддержке человеческой тяги получили пушечный сигнал о начале операции и двинулись в путь по снежному насту...

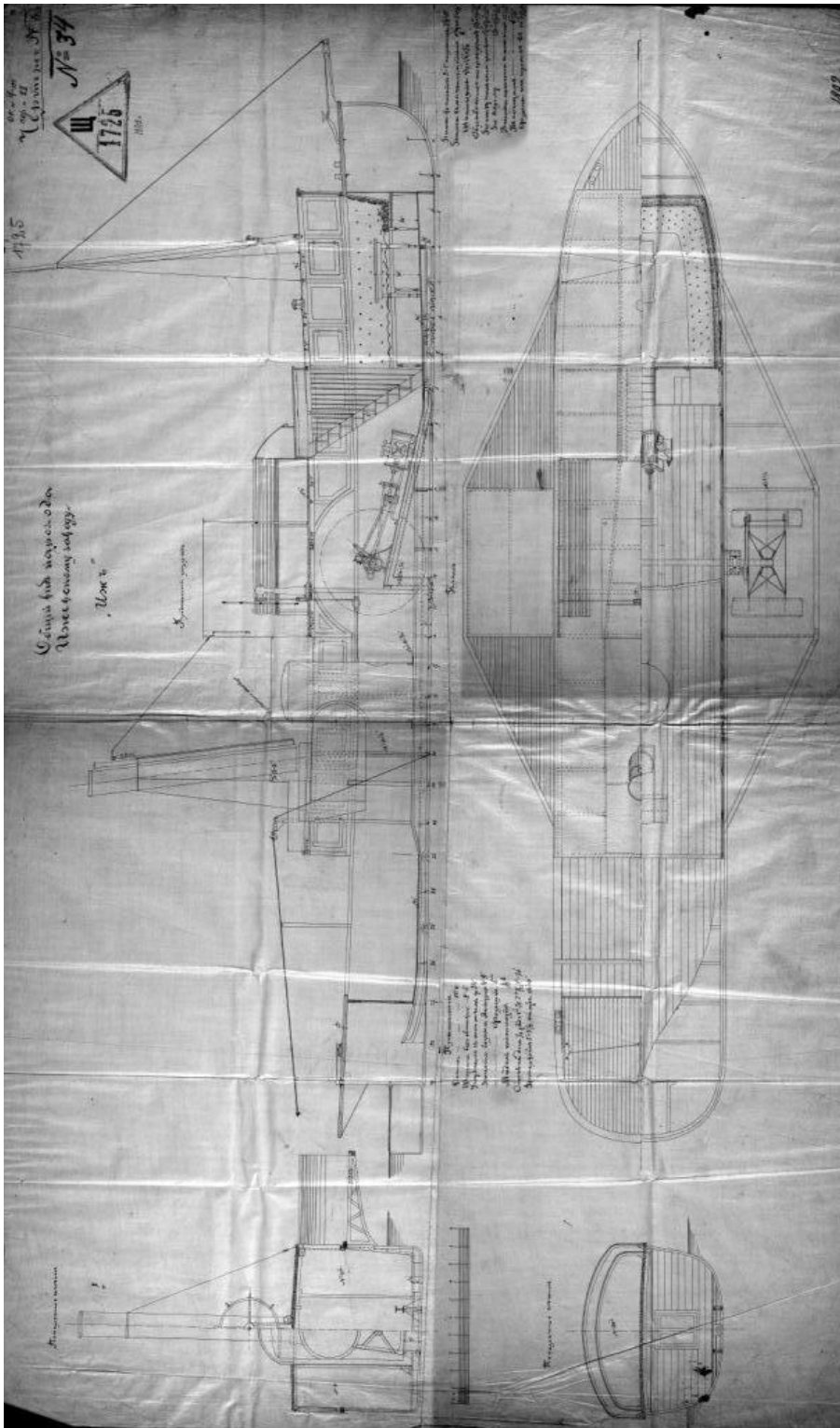
Окончательная комплектация парохода происходила уже на берегу Ижевского пруда между зданием заводоуправления и пожарной частью. И уже летом 1902 г. пароход "Иж" начал навигацию, таская плоты из деловой древесины с Воложки.

Удачный опыт доставки "Ижа" на Ижевский пруд способствовал тому, что спустя некоторое время был заказан второй более крупный пароход – "Шрапнель". Водоизмещение ее составляло 64,9 т, размерения: 30,5 м длина, 4,88 м ширина и 0,61 м осадка. Как и на "Иже" на нем стояла одна паровая машина мощностью 20 н.л.с. Если возможности по перевозке пассажиров на "Иже" были ограничены тесной каютой в носовой части, то на "Шрапнели" ее размеры существенно увеличили. Но как оказалось, даже ее не хватало для всех желающих и потому в ней размещались лишь VIP-персоны. А людям попроще было уготовано место на палубе или на буксируемых пароходами плотках.

Судно доставили на пруд по той же технологии, что и "Иж". После чего ввиду ненужности галошу утилизировали, отправив на склад, где позднее ее приспособили как емкость для хранения горюче-смазочных жидкостей.

Весной 1904 г. "Шрапнель" начала навигацию по пруду, долгое время совершая каждый день по три рейса: первый – на заводскую лесопилку, второй – на плотину к заводоуправлению, третий – в Колтоминском направлении с промежуточной остановкой между Средней улицей и парком. Этот первый маршрут был увековечен в специально выпущенной открытке [4].

* Новиков сообщает даты 1891–1892 гг., но он ошибается.

ЦГА УР Ф. 212. Оп. 7к, д. 3, л. 88. Пароход Иж

Что интересно, опыт эксплуатации "Ижа" с появлением "Шрапнели" был в полной мере применен и для нее. Так, например, по решению Хозяйственного комитета «Шрапнель» красилась по образцу "Ижа": *"Смотритель наземных зданий рапортом от 7 марта за № 170 просит произвести окраску "Шрапнели" по образцу производимой окраски на "Иже"* [6, от 10 марта 1906 г. № 205]. Но даже несмотря на это, судя по заводской переписке, Воткинский завод долго не мог сдать пароход заказчику, борясь с разнообразными выявленными дефектами. *"Смотритель казенных зданий просит распоряжение Хозяйственной палаты о производстве работ на пароходе "Шрапнель". Постановили: поскольку "Шрапнель" до сих пор не принят от Воткинского завода, Хозяйственный комитет постановил произвести необходимые работы с вычетом их стоимости из сумм, уплаченных Воткинскому заводу".* Далее идет список необходимых работ: *"Исправить кормовой помятый деревянный брус. Прострогать тщательно обе палубы перед их покраской, т.к. эти работы сделаны на Воткинском заводе в черном виде. Исправить дверки у кают. Исправить железные угольники на кормовом бруске и боковые поручни. Исправить штурвальные рамки около румпеля. Окончить работу по устройству ватерклозета"* [7, от 28.02.1906]. Кстати, последний пункт особо примечателен, т.к. на современных "Москве" и "Москвичах" такового просто нет.

Попутно с ремонтом и доделками в конструкцию вносились и дельные изменения, не предполагавшиеся проектом. Так в своей резолюции Начальник заводов постановлял *"Дополнительно просить распоряжение о выдаче механической мастерской наряда на устройство искрогасителя"* [7, от 4 марта 1906 г. за № 187].

Первые несколько лет пароходы эксплуатировались настолько интенсивно, что уже в 1906 г. стал вопрос об их ремонте. *"Хозяйственный комитет, осмотрев их, нашли необходимым произвести ремонт: "Шрапнель" – для производства паровых котлов необходимо выморозить. Очистить днище и окрасить снаружи и внутри. Отремонтировать спасательные круги. Проконопатить нижнюю палубу и починить прогнившие места. Устроить вентиляцию помещения машины. Исправить на корме решетку, брус, выровнять угольники на нем. Исправить планишь... [всего 9 пунктов, сверх того еще 5 пунктов]. "Иж": Для производства работ необходимо выморозить и окрасить как снаружи, так и внутри. Обменять бушкер на носовой части. Исправить на палубе поручни и решетку. Исправить кожуховые доски и помятые стенки в каюте. Обить железом площадку в корме. Перенести гак ближе к трубе. Выпрямить руль... [всего 10 пунктов]."* Но самый серьезный пункт заключался в замене колес: *"Изготовить новые колеса в замену старых совершенно ветхих"* [6, от 7 ноября 1906 г. за № 783]. 16 декабря 1906 г. начальник заводов полковник Савостьянов подписал наряд на изготовление новых колес Ремонтными мастерскими.

Кроме того, традиционно каждый год требовалось машины обоих пароходов разбирать, чистить и снова собирать. Окончательная калькуляция всех зимних работ только по "Шрапнели", таким образом, составила до 400 руб. – громадная по тем временам сумма. В результате был найден более экономичный вариант. С 1 ноября 1906 г. для ремонта был нанят бывший механик "Шрапнели" Николай Зимин, который и производил все необходимые работы из расчета по 50 руб. зарплаты в месяц. В случае если он самостоятельно справиться с чем-то не мог, нанимался заводской слесарь с оплатой 1 руб./час. А маляры и плотники занимались необходимыми работами по обычным заводским расценкам. При необходимости более серьезного ремонта, подключались специалисты Оружейного завода. Все это дало возможность сэкономить почти 100 руб. и закончить работы к 1 февраля следующего 1907 г.

Чуть раньше, 7 ноября 1906 г. распоряжением № 783 о работе пароходов на следующую навигацию, "Ижом" и "Шрапнелью" предполагалось осуществлять *"подвозку дров из Вольжского и Колтоминского складов к мастерским заводам и в запас в склад на заводском дворе в течение навигации 1907 г. по примеру прежних лет производить на казенных баржах, буксируемых пароходами"* [6].

Во время боевых действий в Ижевске в ходе ижевского восстания 1918 г. обороняющиеся части красных поставили на плотине пулемет, который восставшие никак не могли подавить. В результате было проведено два обходных удара – по Долгому мосту и через пруд. Подробно изучавший этот вопрос краевед А. Кробейников считает, что во время

этой операции, "Иж" и "Шрапнель" использовали для перевозки десантных партий на борту и буксировки плавсредств с десантом [8].

С установлением советской власти произошло весьма примечательное событие, описываемое в советских газетах следующим образом: *"19 июня 1919 года новые власти... организовали представление по "похоронам" двуглавого орла, снятого с башни завода. Процесс был организован по тем временам "пышно". На два парохода, ходившие в то время по Ижевскому пруду ... загрузили жителей Ижевска, организовали духовой оркестр и под "ликующие революционные песни" ... вывезли орла на середину пруда и благополучно затопили..."* [9]. Сообщения, подобные этому, часто появлявшиеся в ижевских газетах, дали местным дайверам идею-фикс найти реликвию. Однако проведенные архивные исследования эту информацию не подтвердили. Да и сам здравый смысл подсказывал, что орла, скорее всего, сдали на переплавку, а упомянутое сообщение, в котором якобы приняли участие "Иж" и "Шрапнель", есть ничто иное, как одна из городских баек.

Но, так или иначе, оба судна успешно пережили превратности гражданской войны, не пострадав в ходе боев в районе Ижевска, и продолжили свою работу после нее в том же качестве и подчинении под новыми революционными наименованиями "Красный сплавщик" и "Свобода".

Поскольку до появления на Ижевском пруду катеров типа "Москвич" и "Москва", пароходы не могли обеспечить пассажиропоток по пруду, пароходы таскали за собой баржу, на которой и располагались пассажиры. Но иногда и баржи не хватало. В одной из газет за 1936 г. сообщалось: *"24 июня до прихода парохода на мостках пристани Воложка собралось около 300 человек, и не успел ещё пароход пристать и дать сойти пассажирам, как с мостков начался буквально штурм парохода и баржи. Визг, плач детей, крики, отборная ругань повисли над пристанью. Счастливицы, попавшие на пароход, поглаживая помятые бока, с горестью оглядывали свои разорванные платья, рубашки. Вся «организация» посадки со стороны парохода выразилась в том, что по крыше баржи бегал какой-то человек в синем кителе, с тремя золотыми нашивками на рукаве, и в рупор умолял граждан садиться организованно. А ведь достаточно было только поставить 2-3 человек у мостков – и порядок был бы обеспечен. Ни беременные, ни женщины с детьми не пользуются правами посадки на пароход в первую очередь. На пароходе и барже грязь, нет пункта первой помощи, много пьяных, которые пристают к пассажирам, ругаются, курят и бросают окурки на палубу. За порядком никто не следит..."* [10].

В 1940–1950-е годы, когда проход по плотине пруда перевели на пропускной режим, пароходы стали единственным средством коммуникации через пруд, доставляя в том числе и рабочих к проходной.

Активная сорокалетняя эксплуатация "Ижа"–"Красного сплавщика" привела к тому, что в конце 1940-х его вывели из службы. По воспоминаниям старейшего работника МУП «Ижевская пристань» В.К. Лунышина, в 1956 г. корпус стоявшего в отстое бывшего парохода решили оборудовать в стоечную нефтебазу. Однако после установки цистерн, разошлись клепанные швы корпуса, и «Иж» затонул в районе нынешней пристани № 3. Если цистерны местные работники подняли весьма оперативно, то останки бывшего судна никто не трогал, и при прокладке дороги вокруг ТЭЦ-1 насыпь выполнили прямо по затонувшему корпусу, окончательно похоронив первенца Ижевского пруда.

Почти на два десятилетия пережил его "Шрапнель"–"Свобода". Застала она доставку на пруд речных трамвайчиков типа "Москвич", и первое время трудилась с ними на равных. Суда возили пассажиров от пристани у Угольных ворот в Колтому и далее на Воложку, останавливаясь на Юровском мысе и у Евдокимоской дачи. По воспоминаниям ижевского краеведа С.Н. Селивановского, поездки за город на этом пароходе под ритмичный стук колес пользовались большой популярностью [11]. К сожалению, бытовые условия на пароходе, даже несмотря на наличие гальюна, были не пример хуже "Москвичей". Не нашло поддержки и предложение активистов сделать из парохода музей. В результате, в начале 1970-х бывшая "Шрапнель" была переоборудована в понтон и долгое время находилась у лодочной станции "Ижсталь", числясь на балансе школы № 26. Очевидно, бывший пароход "отправился на иголки" в конце 1970-х–начале 1980-х гг.

Примечания:

1. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф 212. Оп. 7к. д. 382.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф 212. Оп. 7к. д. 539.
3. Ижевский пруд. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2002. – 188 с.
4. *Новиков А.В.* У истоков Воткинского судостроения // Золотой ларец. Ижевск, 1998. С. 13–32.
5. *Порцева Л.П., Митюков Н.В., Лапшин Р.В.* Пароходы постройки ижевских заводов // Вестник КИГИТ. 2012. № 6. С. 128–130.
6. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 4. Оп. 1. Т. 2.
7. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4020.
8. *Кардапольцева Е.* Ижевский пруд: 12 интересных фактов // Газета "Центр". 2013. № 17. 25 апреля.
9. *Васильев А.* Первые пароходы на Ижевском пруду // 18 регион. 2000. 16 февр. С. 6.
10. *Жилин С.* На берегах истории // Деловой квадрат. 2012. № 9 (84).
11. *Селивановский С.Н.* Ижевский пруд // Из опыта ижевских дайверов. Ижевск: Изд-во НОУ КИТ, 2009. С. 123–131.

References:

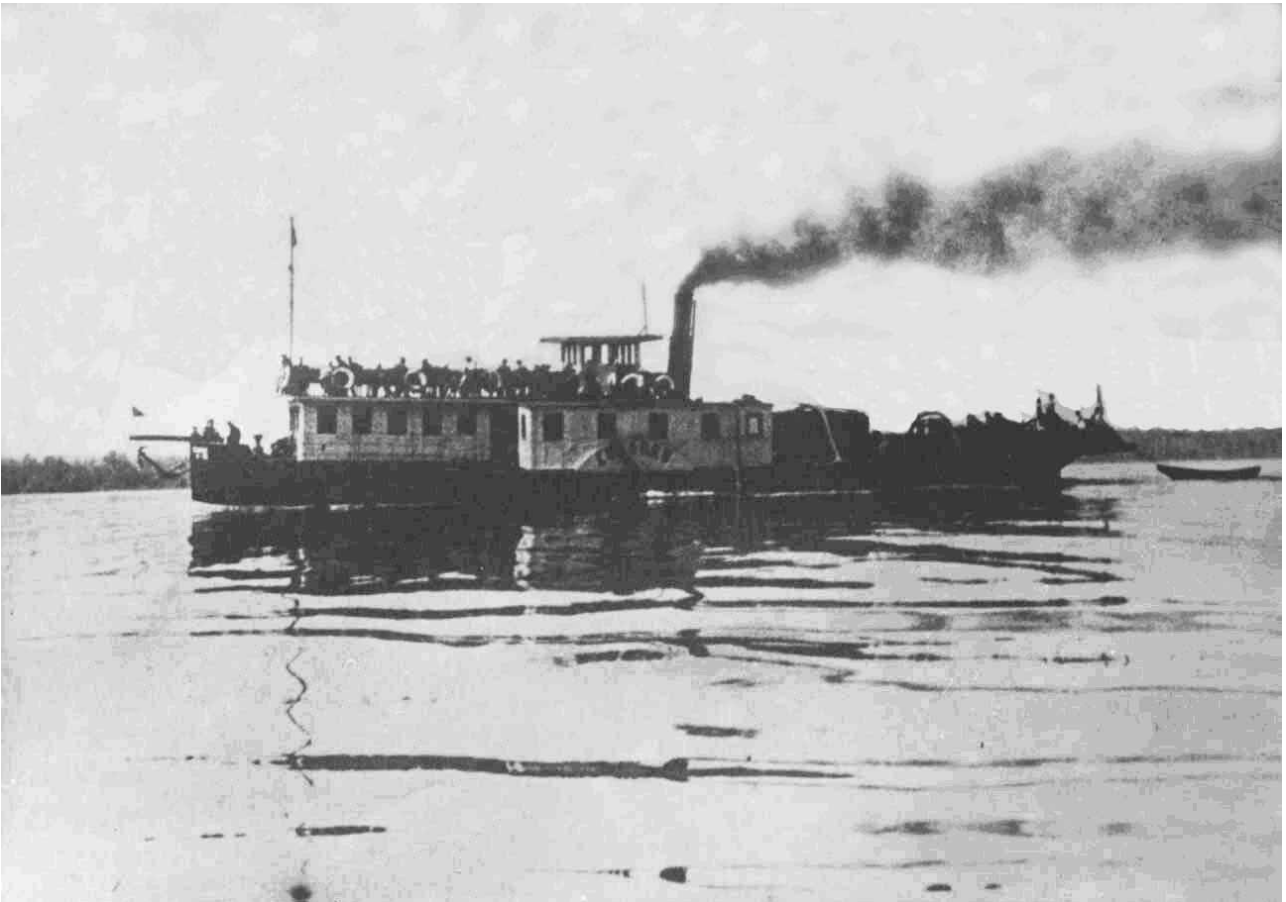
1. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki. F 212. Op. 7k. d. 382.
2. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki. F 212. Op. 7k. d. 539.
3. Izhevskii prud. – Izhevsk: Izd-vo UdGU, 2002. – 188 s.
4. Novikov A.V. U istokov Votkinskogo sudostroeniya // Zolotoi larets. Izhevsk, 1998. S. 13–32.
5. Portseva L.P., Mityukov N.V., Lapshin R.V. Parokhody postroiiki izhevskikh zavodov // Vestnik KIGIT. 2012. № 6. S. 128–130.
6. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki. F. 4. Op. 1. T. 2.
7. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki. F. 4. Op. 1. D. 4020.
8. Kardapol'tseva E. Izhevskii prud: 12 interesnykh faktov // Gazeta "Tsentr". 2013. № 17. 25 aprelya.
9. Vasil'ev A. Pervye parokhody na Izhevskom prudu // 18 region. 2000. 16 fevr. S. 6.
10. Zhilin S. Na beregakh istorii // Delovoi kvadrat. 2012. № 9 (84).
11. Selivanovskii S.N. Izhevskii prud // Iz opyta izhevskikh daiverov. Izhevsk: Izd-vo NOU KИT, 2009. S. 123–131.

Пароход «Иж» на Ижевском заводе
(колл. О.В. Севрюкова, ЦГА УР, ф. 1539, оп. 2, д. 297/1)

Пароход «Иж» в верховьях Ижевского пруда
(колл. О.В. Севрюкова, ЦГА УР, ф. 1539, оп. 2, д. 297/2)

Грузо-пассажирский пароход "Свобода", 1950 г. (фото С.Н. Селивановского)

УДК 629.12: 94(47).083

Служебные походы: пароходы "Иж" и "Шрапнель"

¹ Николай Витальевич Митюков

² Людмила Павловна Порцева

¹ Камский институт гуманитарных и инженерных технологий,
Ижевский государственный технический университет, Российская Федерация
д-р техн. наук, доцент

² Ижевский торгово-экономический техникум, Российская Федерация
канд. истор. наук, доцент

Аннотация. На основе архивных документов и сведений периодической печати делается попытка реконструкции биографии пароходов Ижевского пруда "Иж" и "Шрапнель". Статья иллюстрирована впервые введенными в научный оборот архивными чертежами.

Ключевые слова: Ижевск; Ижевские оружейный и сталелитейный заводы; навигация; пароходное сообщение.

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402X
Vol. 10, No. 2, pp. 94-104, 2014

DOI: 10.13187/rs.2014.2.94

www.ejournal15.com

UDC 373

Nurseries for Infants during World War I

Lyudmila M. Volobueva

Moscow Pedagogical State University, Russian Federation
M. Pirogovskaya Str., 1/1, Moscow, 119991
PhD (pedagogy), Assistant Professor
E-mail: volobuevalm@mail.ru

Abstract. This article examines the process of creating nurseries for the children of soldiers on the front line of World War I. The purpose of these institutions was to look after children until objectives relating to bringing up and educating infants were resolved. The author provides materials that characterize the activity of public organizations in terms of creating nurseries, working out the content of work with children, and training pedagogical personnel. The article provides archive materials never published before, which contain information on measures for supporting families with little children which found themselves in a tough life situation. The organization of the activity of nurseries predetermined the need for further development of public pre-school bringing-up in Russia.

Keywords: World War I; Russia; Moscow; charity; nursery; family; children; bringing-up; day care.

Введение

Проблемы благотворительности, социального попечения, милосердия, помощи семье и детям России в годы первой мировой войны достаточно подробно рассмотрены в исследованиях Ивановой Н.М. [1], Грицаевой А.Н.[2], Павловой И.П.[3]. При этом исследователей-историков в большей степени интересуют организационные аспекты, выявление субъектов благотворительной деятельности, тогда как педагогический аспект оказания помощи детям не только с целью сохранения их жизни и здоровья, но и оказания воспитательного и обучающего воздействия на ребенка до поступления в школу практически остается без внимания. Для педагога-исследователя очевидным является неразрывная связь этих двух процессов. Забота о физическом благополучии детей в период тяжелых испытаний, должна непременно сопровождаться вниманием к формированию духовности, охране психического здоровья будущего нации, предоставлению возможности для успешного развития ребенка даже в трудных условиях войны.

Материалы и методы

Исследование основано на отборе и анализе фактов, раскрывающих меры по защите, сохранению и воспитанию малолетних детей в 1914-18 гг. благодаря созданию очагов для детей нижних чинов, призванных из запаса на фронт. Анализу подвергнуты научные исследования по сходной проблематике, публикации военного периода, материалы Научного архива Российской академии образования (НА РАО). В работе применялись

методы: сравнительно-исторический, историко-логический, историко-системный, историко-типологический, историко-генетический.

Обсуждение

Первая мировая война явилась тяжелым испытанием не только для взрослых, но и для детей. Десятки тысяч работоспособных мужчин были мобилизованы из запаса в действующую армию в первые дни войны. Большие семьи призванных на фронт горожан и сельских жителей нередко оставались без всяких средств существования. Особенно трудно приходилось городским семьям без основного кормильца. Женщины, ранее не имевшие профессии, были вынуждены соглашаться на любую низкооплачиваемую работу. На фабрики и заводы пришли старшие дети, ранее занимавшиеся в семье присмотром за малышами. Все это привело к значительному увеличению числа безнадзорных малолетних детей, которых нередко на весь день одних запирали дома или оставляли под присмотром немощных старух. Увеличились несчастные случаи с детьми, заболеваемость, смертность. Существовавшие к 1914 г. приюты, небольшое количество народных детских садов для присмотра и воспитания детей не могли удовлетворить резко увеличившуюся потребность населения в подобных заведениях. Вопросом поддержки семей с детьми были озадачены благотворительные и общественные просветительские организации, активно включившиеся в работу по оказанию помощи семьям, оставшимся без кормильцев.

Наиболее приемлемым способом помощи малолетним детям, матери которых несли ответственность за материальное благополучие семьи, в начале войны рассматривалось помещение их в народный детский сад. С точки зрения педагогической общественности это заведение было способно защитить детей от тлетворного влияния улицы, которому они подвергались в отсутствие должного родительского внимания, а нередко и от физической гибели, организовать правильный уход за ними, позаботиться о гармоничном развитии личности своих воспитанников и, наконец, подготовить их к получению дальнейшего образования. [4]. Несомненно, в детских садах могли быть созданы лучшие условия для сохранения жизни и здоровья детей. Однако, требования к их организации и педагогической работе уже были достаточно высоки, а количество народных детских садов было настолько мало (несколько десятков на всю Российскую Империю), что, они не могли оказать существенную помощь семье.

Тем не менее некоторые народные детские сады включились в деятельность по поддержке детей их солдатских семей. Среди них был Московский городской универсальный детский сад в память О.Н. Кельиной, располагавшийся в специально для него построенном здании на Б. Царицынской д. 17. Как только последовал Высочайший указ о мобилизации армии, попечитель детского сада В.Н. Кельин заявил Московской городской управе о готовности устроить бесплатную столовую на 50 детей лиц, призванных на службу из запаса. В дальнейшем сотрудники пришли к убеждению, что «детки, лишенные родительской ласки, нуждаются однако не в одном хлебе насущном и что следует дать им и пищу духовную: позаботиться о нравственном их воспитании» [5, С. 3]. Было принято решение, кроме основного дневного отделения на 40 человек, работавшего до 14.00, открыть еще вечернее отделение с 14 до 18 часов для 14 мальчиков и 17 девочек в возрасте от 4 до 8 лет из семей запасных, которые были разделены на 2 группы – младшую и старшую. Распорядок дня был следующим: после сбора и молитвы шли обедать, после чего отправлялись гулять, после прогулки принимались за занятия. После занятий, оканчивавшимся часам к пяти, старшие шли в зал, где для них организовывались подвижные игры, а младшие отправлялись в «игрушечную». Два раза в неделю дети этого отделения занимались пением и ритмической гимнастикой.

Детский сад старался по возможности отвлечь детей от тяжелых впечатлений. Так, особенную прелесть для детей имела ледяная гора, устроенная в саду учреждения, катание с которой доставляло неизъяснимую радость малышам. В отчете попечителя детского сада за 1914-15 год отмечалось: «Руководительницы не могут забыть, как один мальчик лет пяти, Шура С., придя однажды в сад, долго и судорожно плакал и повторял: «А у меня папу убили...». Долго не могли ничем утешить бедненького Шуру. Но вот руководительница вспомнила любовь мальчика к горе и сказала: «Ну, Шура, папа-то может быть еще и не убит,

а в плену; мы же с тобой пойдем после обеда на гору кататься, саночки возьмем новенькие – хочешь?» «Хочу», - ответил Шура и сразу успокоился, перестал плакать». [5, С. 9-10]

Для детей организовывали экскурсии в зоосады, устраивались праздники, на которые приходили братья и сестры. Для детей школьного возраста и взрослых устраивались благотворительные лекции, в т.ч. о современной войне и на тему «Завоевание науки на службе современной войны» [5, С. 17]. В концертном зале детского сада были организованы Хамовническим попечительством бедных два концерта «на помощь семьям запасных» (28 сентября 1914 г.) и в пользу пострадавших от войны жителей Хамовнического района (8 марта 1915 г.). В первом концерте выступила известная исполнительница северных народных сказок, собирательница фольклора О.Э. Озаровская, а на втором был продемонстрирована система ритмической гимнастики Жака Далькроза [5, с. 19]. Всего в результате благотворительных концертов и постановок для семей запасных было собрано 1000 руб. От питомцев детского сада на подарки воинам доставлено было 60 руб. Несмотря на достаточно хорошие результаты пребывания детей в детском саду, было решено в следующем году не открывать вечернее отделение, т.к. руководительницам приходилось работать целый день, что было для них сложным делом. На следующий учебный год было несколько увеличено количество принимаемых детей в дневные группы [5].

Уже осенью 1914 г. Московское городское управление и общественные организации города активизировали работу по открытию яслей, приютов, детских садов. Основным типом учреждения по прирестению детей 3–10 лет в этот период стал очаг.

Упоминание об одном из первых очагов в России встречается в самом начале XX века. Елизаветинский очаг для детей интеллигентных женщин, служащих в разных учреждениях и конторах Москвы, открыт 26 октября 1902 г. Очаг содержался на средства Елизаветинского комитета детских очагов, учрежденного 12 мая 1903 г. Рассчитан он был на 10 детей и первоначально размещался в Неопалимовском переулке. В 1912 г. очаг располагался в Уланском переулке и его посещало до 30 детей [6, С. 14-15].

По данным, приведенным в исследовании Павловой И.П., «в годы Первой мировой войны новый вид приютов – мелких детских «очагов» был создан по образцу подобных заведений в Англии и Франции: небольшое число детей – 10-12 человек и один воспитатель «на крайне скромных началах». Один из подобных приютов был учрежден «г. Тумановой в Новгородской губернии», другой «г. Сабуровой - супругой Петроградского губернатора в подмосковном имении» [3, С. 418]. Всемерное покровительство подобной форме закрытого прирестения, считая ее перспективной, решил оказывать Романовский комитет – благотворительное учреждение, созданное Высочайшим указом от 21 февраля 1913 г. «в ознаменование трехсотлетия со дня всенародного избрания на царство первого государя из Дома Романовых» и состоявшее под покровительством императора.

Потребность в таких учреждениях оказалась достаточно велика, поэтому городские очаги в российских условиях были более многочисленны и в подавляющем большинстве заботу об их устройстве взяли на себя детолюбивые общественные организации.

В отличие от народных детских садов, пребывание в которых ограничивалось только шестью часами, в очаге дети находились в течение всего дня (10–12 часов), им предоставлялось бесплатное трехразовое питание. Для очагов подбирались помещения, по возможности отвечающие требованиям гигиены и санитарии. Это были чаще всего квартиры в многоквартирных домах (не всегда на первом этаже), но приходилось мириться и с помещениями бывшей пивной или винной лавки. Обстановка в очагах часто была случайной и состояла из пожертвованных населением мебели, посуды, игрушек, иногда пианино [7]. Положение в Москве требовало открытия как можно большего количества подобных учреждений.

Организацией очагов занимался вначале специальный Детский отдел при Центральном Бюро Московской городской Управы, где была создана очаговая комиссия. Созданная в 1914 г. комиссия работников по дошкольному воспитанию Союза обществ попечения об учащих детей Москвы также активно включилась в эту работу, и впоследствии именно она руководила их организацией.

Первые «очаги для детей запасных» в Москве появились уже осенью 1914 г., а к 1 марта 1915 г. Центральное Бюро объединяло уже 19 очагов [8]. Часть из них (Басманный, Гжельский, Самарский, Лефортовский, Пресненский) обеспечивались почти целиком за

счет средств, собираемых Центральным Бюро, остальные 14 очагов содержали другие организации и отдельные кружки сотрудников. В этот период Центральное Бюро не пользовалось субсидиями городской Управы, а занималось только сбором пожертвований.

Один из первых таких очагов – 2-ой очаг Лиги Равноправия Женщин – был открыт 20 сентября 1914 г. в Дорогомилово на квартире, предоставленной г. Грушиным, а через месяц переехал в лучшую квартиру, бесплатно предоставленную г. Куниным по 1-му Дорогомиловскому переулку, д. 7.

Плакат общества «Помощи жертвам войны». Первая мировая война

Очаг ставил целью дать детям дошкольного возраста (от 3 до 7 лет), отцы которых ушли на войну «возможно лучшие условия для их физического и духовного развития, а матерей освободить для работы» [9]. В очаг были приняты 25 детей, которые были разделены на 2 возрастные группы: 3-5 и 6-7 лет. В очаге не было платных руководительниц, он существовал исключительно на благотворительные средства, пожертвования частных лиц. Очаг работал с 9 утра до 19 часов вечера. Дети получали питание и соответствующие занятия.

Открывая очаг, организаторы первоначально даже не задумывались о воспитательных задачах: главной целью было накормить детей, дать им приют, взять их от вредного влияния улицы. Но когда это было сделано, сама жизнь выдвинула задачи воспитательные, и прежде всего, задача чем-то занять детей. Выбор занятий и способ их проведения заставлял думать в их воспитательное значение [9].

Практически все очаги в первые месяцы войны создавались, чтобы приютить, накормить, обустроить обездоленных детей. Но достаточно быстро одной из важных целей стало воспитание детей, создания им обстановки приближенной к семейной. В отчете Киевского Фребелевского института за 1915 г. подчеркивалось, что «очаги — это только начало целого ряда подобных воспитательных учреждений, и поэтому с первых же шагов необходимо смотреть на них и строить их на основаниях не благотворительности и только добрых чувств тех или других лиц и групп населения, а как на общественное просветительное дело, вести которое и развивать — долг всего общества, общественных организаций, городских самоуправлений, земств и государства» [10, С. 56—57].

В очаге ребенок — член большой семьи, в которой у него есть права и обязанности, учитывались индивидуальные особенности ребенка. Подбирались занятия, направленные на развитие внимательности, наблюдательности, приучение к дисциплине. Особое внимание обращалось на развитие внешних чувств ребенка. В основе воспитания в очаге

лежал труд ребенка, его самостоятельность, самообслуживание. Очень широко применялся ручной труд: лепка, вырезание, аппликация, известные под названием «ручные работы Фребеля». Материал подбирался доступный, часто пользовались так называемым бросовым материалом (коробки, катушки, куски ткани, пробки, обертки и др.). Постепенно очаги приняли у себя постановку воспитания народных детских садов, а руководительницы, пришедшие из детских садов в очаги, налаживали работу последних по образцу детских садов.

Работа очагов затруднялась недостатком подготовленных и опытных руководителей. Текущность, частая смена детей, вступающих в очаг, переезды с одной квартиры на другую, все это создавало неблагоприятные условия для работы очага.

Как правило, в очаге работала одна руководительница (так называли воспитателя) и помощница, или две руководительницы, число детей на руководительницу доходило до 25—30, притом, что нормой признавалось 15—18 детей на одну руководительницу. Число детей, посещающих разные очаги, исчислялось от 25 до 65. Иногда детей не делили на возрастные группы, так как была всего одна руководительница. Часто дети в очаг приходили в 8.00 и уходили в 19.00. «Школьных уроков в очагах нет, так как они преждевременны, но для старших детей 7 лет элементы обучения присутствуют. Детей такого возраста в очагах мало, так как в семьях их считают достаточно взрослыми и используют, например, для стояния в очередях». [11, С. 171—174]. Обстановка в очагах была бедная: старая расшатанная мебель, не подходящая к росту и силам детей.

При очагах создавались Кружки друзей очага, которые призваны были заниматься всеми организационными и хозяйственными вопросами, а также педагогической работой с детьми и просветительской деятельностью среди населения. Кружки занимались сбором пожертвований, помогали в оборудовании очага, поддержании чистоты и порядка. Членами кружка были лица, желавшие чем-то помочь ему. Позднее кружки стали выполнять функции советов, на которых совместно решались текущие вопросы жизни учреждений. Однако, активность их была различной. Наиболее инициативно велась работа членами кружков друзей 2-го Хамовнического, Троицкого, Пресненского очагов, а роль других нередко была чисто формальной [12].

В 1915 г. наметился пересмотр взгляда на очаг только как на учреждение призрения. Этому, безусловно, способствовала активная деятельность таких видных педагогов, организаторов общественного дошкольного воспитания как С.Т. Шацкого, Л.К. Шлегер, Л.С. Тезавровской и других. Началась работа по превращению очага в тип воспитательно-просветительного учреждения. На повестку дня вышли вопросы, требовавшие немедленного разрешения: организация очага, длительность пребывания детей в очаге, норма детей на одного руководителя, воспитательная сторона очага, работа с семьей и со школьниками и т.д.

Пересматривая деятельность очагов с точки зрения целенаправленной воспитательно-образовательной работы, сотрудники пришли к формулированию определенных условий, помогавших наиболее рационально организовать педагогическое воздействие на детей.

Было признано необходимым ограничить пребывание детей в очаге шестью часами в день. Это являлось наиболее оптимальным рабочим днем педагогов и давало возможность сотрудникам вести работу с семьей и школой. С этой же целью предлагалось сократить число детей, приходившихся на одного руководителя до 20 человек, а на двух – до 30—35. Для более систематичного и длительного воздействия предлагалось принимать в очаг детей от 3 до 6 лет. Он не должен был прерывать связь с детьми, уходившими в школу: для них те же сотрудники во вторую половину дня организовывали вечерние клубы. Туда нередко приходили и матери, желавшие немного отдохнуть от забот.

Однако, жизнь диктовала свои условия и сразу осуществить все, что предлагалось, было невозможно. По данным комиссии работников по дошкольному воспитанию, в 1916 г. только в 11 очагах дети проводили время от 9 до 3 час. дня, в 4 очагах были созданы клубы для школьников, в 4 очагах на одного руководителя приходилось 20 детей, а в некоторых – 35 на двоих [12].

Проведенное в этот период обследование очагов показало, что в большинстве из них не было условий для ведения педагогической работы: очень мало педагогических пособий, игрушек, в некоторых были аквариумы, растения, но чаще не было ни живых существ, ни

растений. Затрудняло работу отсутствие постоянных педагогов. Чаще всего в них на общественных началах работали члены кружка друзей очага. Так, во 2-м очаге Лиги Равноправия Женщин, на 25 детей приходилось 12 сотрудниц и 2 сотрудника, по очереди работавших с детьми [9, С. 1].

Большая согласованность и сплоченность в работе, а, следовательно, и результативность, достигалась в тех учреждениях, где постоянно работали 1–2 платных руководителя. Выделение, а затем и увеличение средств, выдаваемых Московским городским управлением на очаги, позволило в 1916 году приглашать платных руководителей практически во все очаги.

Рассчитывая на скорое прекращений военных действий, очаги рассматривались первоначально как временные учреждения, созданные на период войны и обеспечивавшие присмотр, уход и питание исключительно детей из семей призванных из запаса на фронт. Однако, ознакомившись ближе с жизнью рабочих семей, сотрудники очагов поняли, что нужда детей не только вызвана войной, но идет гораздо глубже и коренится в общих условиях жизни необеспеченных слоев населения. Таким образом, сформировалось убеждение о необходимости постоянного существования таких учреждений.

Эти вопросы обсуждались на собраниях Детского отдела Центрального Бюро г. Москвы. В марте 1915 г. было принято решение о присоединении очагов к районным обществам попечения об учащих детей, а при Союзе этих обществ образовать комиссию работников по дошкольному воспитанию, которая стала заниматься очагами [12]. На первом заседании был выбран временный Совет, председателем которого избран видный деятель народного образования Москвы В.А. Флеров, товарищами председателя член Кружка совместного воспитания и образования детей М.М. Станиловская и руководитель общества «Детский труд и отдых» С.Т. Шацкий, секретарем избран Л.Н. Скаткин.

На основании ходатайства, поданного В.А. Флеровым в Московскую городскую Управу, с июля 1915 г. она стала ежемесячно отпускать на очаги по 1655 руб. Кроме того, военная подкомиссия Управы ежемесячно выплачивала по 500 руб. С января 1917 г. Московская городская Управа постановила ежемесячно передавать 2888 руб. в непосредственное распоряжение комиссии работников по дошкольному воспитанию [12].

Для руководства деятельностью очагов был выделен в комиссии специальный инструктор. В его обязанности входили организационная работа по подбору помещений, переговоры с различными обществами, соби́рание сведений об очагах и их работе и т.д.

Комиссия работников по дошкольному воспитанию при Союзе обществ попечения об учащих детей Москвы не ограничивалась только организационной стороной дела. Ее членов (85 человек) волновали также вопросы налаживания воспитательно-образовательной работы в очагах. Имея в Москве примеры достаточно хорошо отлаженной деятельности детских садов, работники комиссии искали формы и методы организации детей в очагах [12].

Члены комиссии дошкольных работников проводили большую работу по созданию перечня необходимого оборудования, материалов и педагогических пособий для очагов, подбору необходимой литературы для детей и руководителей. На совместных собраниях членов комиссии и сотрудников очагов обсуждались разнообразные вопросы, позволяющие определить своеобразие воспитательно-образовательной работы подобных учреждений [12, л.д. 46]. Рассматривались также вопросы, связанные с возможностью применения в очагах методов, предлагаемых работниками детских садов, а также зарубежной педагогикой, в частности М. Монтессори.

За время работы комиссии по дошкольному воспитанию были выработаны примерные сметы расходов для очагов, нормы питания, оборудования, а также анкеты-опросники для руководительниц, схемы наблюдения и изучения ребенка и тому подобные материалы, позволявшие изучить и направить работу этих учреждений. Большую роль в подготовке этих материалов сыграли сотрудники обществ "Детский труд и отдых", "Кооперация", Кружка совместного воспитания и образования детей [].

Непосредственно связанной с работой очагов была деятельность Союза обществ по организации летних колоний.

Стремление поправить здоровье детей, вывезти их из грязного, душного города на лето в деревню заставило членов комиссии работников по дошкольному воспитанию развернуть

работу по созданию колоний специально для детей дошкольного возраста. Так, в 1916 г. только из очагов в колонии были отправлены 475 воспитанников детей Москвы в возрасте от 3 до 8 лет. В этом же году комиссией был избран специальный инструктор, осуществлявший «осведомительно-педагогическую» работу в колониях. Летом 1917 г. в 13 подмосковных колоний были вывезены 300 детей дошкольного возраста. Как правило, родители соглашались вносить небольшую плату – от 1 руб. 50 коп. до 3-х руб. в месяц на ребенка, нуждающиеся освобождались от взносов. Стоимость содержания 25 детей в месяц составляла 375 руб. и на оборудование одной колонии тратилось около 250 руб. Средства на это предоставлялись городскими и общественными организациями [12, л.д. 49].

В условиях загородной жизни дети значительно расширили свой кругозор, укреплялись физически, приучались к труду на земле. Однако, ограниченность средств создавала немало трудностей: не всегда удавалось подобрать хорошее помещение, были сложности с питанием, особенно с хлебом и молоком. Отсутствие прислуги, медицинского персонала приводили к нарушению санитарно-гигиенических правил содержания помещений и организации питания детей, возникали инфекции. Утомительным было для руководительниц пребывание с детьми неотлучно в течение суток, Тем не менее, большинство руководительниц, отмечали, что они получили удовлетворение от этой работы: дети становились заметно организованнее, веселее, оживленнее, в них пробуждались навыки поведения в коллективе. В колонии часто приезжали родители, они были желанными гостями и часто оставались там на целый день.

Осенью 1915 г. в Москву хлынула волна беженцев из зоны военных действий. Центральное Бюро занялось оказанием им необходимой помощи и отошло от ведения работы по организации очагов. В результате вся организационная работа была передана в ведение Совета и комиссии работников по дошкольному воспитанию Союза обществ попечения об учащих детей Москвы. В 1915–1916 гг. были открыты специальные очаги для детей беженцев: Усачевский очаг, очаг в Борисоглебском переулке [8].

17 марта 1916 г. в Москве состоялось Особое совещание по вопросам о призрении детей в связи с войной, на котором была выдвинута идея искусственных семей: небольшое количество детей с приемными матерями, что удешевило бы содержание детей в 3–4 раза. Надзор за такими семьями мог бы возлагаться на особых попечителей, народных учителей, заведующих детскими приютами, садами, очагами, при участии волостных комиссий. Совещание считало, что все земства и города должны обзавестись особыми органами общественного призрения. Оно предложило схему руководства попечительской работой с детьми. Во главе призрения детей в уезде или округе должен стоять инспектор по призрению детей, назначаемый органом местного самоуправления, и особые уездные или окружные попечительства [3, С. 425]. Похожая модель была использована уже в советский период.

Известный меценат С.В. Бахрушин в «Известиях Московской городской думы» 1916 г. сообщал, что в Москве создан Совет по призрению беспризорных детей в г. Москве, состоявший из 8 человек, избранных городской думой на 4 года. Целью совета было «выискивание детей и работа с санитарным надзором Хитрова рынка, городскими и районными попечительствами» и др. Был создан Особый разборочный приют на 50 детей имени проф. МГУ гласного думы М.В. Духовского [3, С. 426]. В том же году попечительством Хитрова рынка был создан очаг для детей [8].

Благодаря предпринятым совместным усилиям к 1 января 1917 г. комиссией по дошкольному воспитанию были объединены 25 московских очагов, в которых воспитывались 870 детей. Всего в этот период в двухмиллионном городе действовали как минимум 30 очагов, сведения о которых (название, фамилия, имя и отчество руководителя, адрес) собраны по архивным материалам и опубликованы автором данной статьи [7, С. 121-125].

Расширение сети очагов и других учреждений для маленьких детей городского населения потребовало организовать краткосрочную подготовку значительного числа новых работников.

По инициативе Кружка совместного воспитания и образования детей осенью 1914 г. при Московском народном университете имени А.Л. Шанявского специально для подготовки руководительниц очагов были организованы общедоступные курсы по

дошкольному воспитанию. Неожиданно для организаторов к курсам был проявлен огромный общественный интерес. Кроме руководителей очагов, они привлекли внимание учителей, студентов вузов, домашних хозяек, лиц свободных профессий и т.д. После первого цикла курсов, по просьбе общественности и работников вновь создаваемых дошкольных учреждений весной 1915 г. был организован повторный цикл. За два цикла обучение прошли более 1200 человек [13].

Учебный план, рассчитанный на 78 часов, был посвящен лекционным и практическим занятиям по самым различным проблемам педагогики, психологии, гигиены и санитарии, а также раскрывались основные методы работы с детьми дошкольного возраста. Проводили занятия, на безвозмездной основе, отказавшись от гонорара, лучшие специалисты Москвы. Среди них приват-доцент Императорского Московского Университета М.М. Рубинштейн, ассистент Психологического института при этом Университете К.Н. Корнилов, преподаватели Московских Педагогических курсов Н.С. Филитис и Г.К. Вебер, доктора медицинских наук В.Е. Игнатъев, В.Я. Канель, Г.Е. Сперанский, Г.И. Россолимо и другие. С практикой работы в дошкольных учреждениях слушателей познакомили С.Т. Шацкий и Л.К. Шлегер, В.Н. Шацкая, М.Х. Свентицкая, К.Н. Вентцель. На деньги, собранные со слушателей курсов, были организованы еще два очага [13].

Интерес, проявленный к курсам со стороны общественности Москвы и провинции, побудил организаторов в 1915 г. выпустить печатный вариант лекций, распространявшийся по подписке по всей стране. Это было первое и долгое время, в том числе и в советский период, основное практическое пособие по организации детских садов и очагов в Москве и во многих городах России.

Не умаляя значения общедоступных курсов для пробуждения внимания общественности к делу дошкольного воспитания, приходится констатировать, что через такую форму невозможно было подготовить хороших специалистов. Ограниченность во времени, преобладание лекционных занятий из-за огромного количества слушателей не давали возможности получить слушателям систему знаний, а тем более овладеть практическими умениями работы с детьми. Это понимали и представители педагогической общественности того периода.

Осенью 1915 г. обществом «Детский труд и отдых» были организованы курсы, в основе которых лежал практический метод подготовки дошкольных работников. Работа курсов опиралась на следующие принципы: подготовка дошкольных работников должна целиком основываться на непосредственной работе с детьми; прежде чем предложить ребенку какой-то материал или деятельность, руководитель должен сам на себе проверить всю ту работу мысли, которую он совершает; нельзя намечать заранее программу занятий на длительный срок, а следует исходить из потребностей слушателей и текущего момента. Слушателями этих курсов также были, в основном, работники детских садов и очагов. Рассчитанные первоначально на 6 месяцев занятия продолжались 2 года. Основное место было отведено практике в детском саду, практическим занятиям слушателей с различными материалами, по результатам этой работы проводились семинарские занятия в форме беседы и для теоретического обоснования отдельных проблем, выделенных практикой, читались лекции [14].

По этому же принципу были построены и дошкольные курсы, организованные Союзом обществ попечения об учащих детей Москвы с сентября 1917 г. по апрель 1918 г. [15]

Постепенно к 1917 г. очаг превратился в особый тип дошкольного учреждения. Оформилась главная цель очага – помочь семье, члены которой работают вне дома. Давая присмотр и питание, главной задачей этого учреждения стало дать детям воспитание, положив в основу трудовое начало. Важное значение придавалось связи очага с семьей. Указывалось, что работа над воспитанием детей только тогда будет достигать результатов, если она будет начинаться с самого раннего возраста до поступления детей в очаг и будет продолжаться, когда они поступят в школу, так как воспитание по существу своему является цельным и единым процессом. С другой стороны, очагам этого периода непосильно было бы взять на себя задачу воспитать детей, когда «семья на каждом шагу идет наперекор тому, что дети получают в очаге, и работа воспитателей разрушается работой семьи. Единственный выход – работа совместно с семьей и над семьей» [12, л.д. 30].

Считая воспитание детей с раннего до старшего возраста под силу только совместной работе общественных учреждений (яслей, очагов, клубов, площадок), комиссия разработала

проект содействия города общественному дошкольному воспитанию. В основу проекта была положена мысль о необходимости существования таких постоянных учреждений как очаг, содержание которых под силу только городскому управлению. Как желательный был выдвинут тип очага на 25 детей с двумя руководительницами и как компромиссный – на 50 детей с двумя руководительницами. «Город рано или поздно должен будет встать на путь создания сети учреждений для детей дошкольного возраста» [12, л.д. 31].

Октябрьские события 1917 г. вызвали раскол среди дошкольных работников г. Москвы. Одни поддержали бастующих учителей (сотрудники детского сада при доме дешевых квартир Солодовникова, Московского городского универсального детского сада), другие осуждали их действия (Л.С. Тезавровская и другие), некоторые соблюдали нейтралитет (Л.К. Шлегер). Однако, сложности переходного периода не могли оставить в стороне людей, много сделавших для детей. Постепенно практически все старые педагоги вновь приступили к своей работе.

Тяжело пережили зиму 1917–1918 гг. очаги и народные детские сады Москвы. Отсутствие субсидий города на 1918 г., значительное снижение пожертвований, трудности с добыванием продуктов, топлива все это осложняло работу и вело к свертыванию воспитательной работы с детьми. Некоторые очаги пришлось закрыть, другие объединить. Встал вопрос о необходимости введения платы родителей за питание детей в очагах.

В отчете за 1917 год руководители 1-го Хамовнического очага писали: «Полная неуверенность в существовании очага, трудности в добывании продуктов и посему не очень спокойное душевное состояние, которое, конечно, влияет на работу. Ведена плата – 3 рубля в месяц». Произошли изменения и в Суцевском очаге: «Введена плата за детей 5 рублей в месяц за одного ребенка и 8 за двоих. Уменьшено питание с 3-х раз до 2-х раз, раньше работали до 17 час., сейчас до 16 час.». 1-й Тверской и один из Хамовнических очагов были закрыты «из-за нехватки средств» [15].

Всё это не могло не отразиться на настроении руководителей дошкольных учреждений. Но, несмотря на огромные экономические трудности, отсутствие зарплаты, еды, топлива, они старались, как могли скрасить жизнь детей: много играли с ними в подвижные игры, что давало возможность хоть как-то согреться, рассказывали им веселые сказки, пели песни, устраивали праздники.

На родительских собраниях, проведенных очагами, родители высказались за введение платы, ради сохранения этих учреждений. В среднем она составила от 3 до 5 руб. в месяц, остро нуждающиеся семьи водили детей по-прежнему бесплатно. Введение платы в очагах, тревожное время привели к сокращению числа детей в дошкольных учреждениях и в целом в городе. Многих детей родители отправили из города в деревню [15].

Выполнив свое предназначение, некоторые очаги в первые месяцы советского периода были преобразованы в детские сады.

Заключение

Завершая, необходимо отметить, что в годы первой мировой войны активизировалась деятельность благотворительных и общественных организаций, связанная с присмотром за обездоленными детьми, оказанием помощи семьям, оказавшимся в тяжелой ситуации. Местом притяжения для таких семей стали очаги, которые постепенно превратились в особый тип учреждений, обеспечивших не только уход и присмотр, но воспитание и обучение детей дошкольного возраста, а также культурно-просветительные формы работы с другими членами семьи. Развитие содержательной работы вызвало необходимость специальной подготовки работников очагов, на основе освоения практических умений делать жизнь детей интересной и насыщенной полезной деятельностью, прежде всего приобщая к труду. Опыт организации очагов в военный период оказал непосредственное влияние на дальнейшее развитие общественного дошкольного воспитания в России.

Примечания:

1. Иванова Н.М. Милосердие и благотворительность в годы первой мировой войны 1914–1917 гг.: На материалах Петрограда: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2002. 243 с.

2. Грицаева А.Е. Благотворительность в России в годы первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.): опыт помощи пострадавшим от военных действий: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2008. 289 с.
3. Павлова И.П. Социальное попечение в России в конце XIX – начале XX века: дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Санкт-Петербург, 2004. 568 с.
4. Дзюбинская Е. Народный детский сад как один из способов призрения детей запасных // Призрение и благотворительность в России. 1914. № 6-7. С. 625-634.
5. Отчет по Московскому городскому универсальному Детскому Саду в память О.Н. Кельиной за 1914–1915 уч. год. М., 1916. 20 с.
6. Исторический очерк развития благотворительности Елисаветинского общества в Москве и Московской губернии за 20 лет с 1892 по 1912 г. М. [Б.и.], 1912. 6 с.
7. Белая К.Ю., Волобуева Л.М. Листая страницы истории: Из истории дошкольного воспитания в Москве. М., 1997. 130 с.
8. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 12. Материалы общества попечения об учащихся детях. Анкеты детских садов и очагов Москвы.
9. Отчет 2-го очага для детей запасных Лиги Равноправия Женщин. М., 1915. 4 с.
10. Бахтин Н. Призрение и воспитание. (Очаг слушательниц Киевского Фребелевского института. Сентябрь, 1914 г. - апрель, 1915 г.) // Народное образование. 1915. Т.2: июль-декабрь. С. 56-59.
11. С-В, С. Дошкольное народное образование в Москве // Вестник воспитания. М., 1917. № 6-7. С. 169-180.
12. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 13. Материалы общества попечения об учащихся детях.
13. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 43. Материалы дошкольных курсов при университете имени А.Л. Шанявского
14. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 8. Курсы общества «Детский труд и отдых»
15. НА РАО Ф.1. Первая опытная станция по народному образованию. Оп.1, Д. 21. Отчеты по Союзу обществ попечения об учащихся детях Москвы (1915–1918).

References:

1. Ivanova N.M. Miloserdie i blagotvoritel'nost' v gody pervoi mirovoi voiny 1914–1917 gg.: Na materialakh Petrograda: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Sankt-Peterburg, 2002. 243 s.
2. Gritsaeva A.E. Blagotvoritel'nost' v Rossii v gody pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.): opyt pomoshchi postradavshim ot voennykh deistvii: dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. M., 2008. 289 s.
3. Pavlova I.P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX veka: dis. ... dokt. ist. nauk: 07.00.02. Sankt-Peterburg, 2004. 568 s.
4. Dzyubinskaya E. Narodnyi detskii sad kak odin iz sposobov prizreniya detei zapasnykh // Prizrenie i blagotvoritel'nost' v Rossii. 1914. № 6-7. S. 625-634.
5. Otchet po Moskovskomu gorodskomu universal'nomu Detskomu Sadu v pamyat' O.N. Kel'inoi za 1914–1915 uch. god. M., 1916. 20 s.
6. Istoricheskii ocherk razvitiya blagotvoritel'nosti Elisavetinskogo obshchestva v Moskve i Moskovskoi gubernii za 20 let s 1892 po 1912 g. M. [B.i.], 1912. 6 s.
7. Belaya K.Yu., Volobueva L.M. Listaya stranitsy istorii: Iz istorii doshkol'nogo vospitaniya v Moskve. M., 1997. 130 s.
8. NA RAO F.1. Pervaya opytnaya stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 12. Materialy obshchestva popecheniya ob uchashchikhsya detyakh. Ankety detskikh sadov i ochagov Moskvu.
9. Otchet 2-go ochaga dlya detei zapasnykh Ligi Ravnopraviya Zhenshchin. M., 1915. 4 s.
10. Bakhtin N. Prizrenie i vospitanie. (Ochag slushatel'nits Kievskogo Frebelevskogo instituta. Sentyabr', 1914 g. - aprel', 1915 g.) // Narodnoe obrazovanie. 1915. T.2: iyul'-dekabr'. S. 56-59.
11. S-V, S. Doshkol'noe narodnoe obrazovanie v Moskve // Vestnik vospitaniya. M., 1917. № 6-7. S. 169-180.

12. NA RAO F.1. Pervaya opytnaya stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 13. Materialy obshchestva popечeniya ob uchashchikhsya detyakh.
13. NA RAO F.1. Pervaya opytnaya stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 43. Materialy doshkol'nykh kursov pri universitete imeni A.L. Shanyavskogo
14. NA RAO F.1. Pervaya opytnaya stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 8. Kursy obshchestva «Detskii trud i otdykh»
15. NA RAO F.1. Pervaya opytnaya stantsiya po narodnomu obrazovaniyu. Op.1, D. 21. Otchety po Soyuzu obshchestv popечeniya ob uchashchikhsya detyakh Moskvy (1915–1918).

УДК 373

Очаги для малолетних детей в годы Первой мировой войны

Людмила Михайловна Волобуева

Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация
119991 Москва, М. Пироговская ул., 1/1,
Кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: volobuevalm@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается процесс создания в годы первой мировой войны очагов для детей призванных на фронт солдат. Цель этих учреждений менялась от осуществления присмотра за детьми до реализации задач воспитания и обучения малолетних детей. Приведены материалы, характеризующие деятельность общественных организаций по созданию очагов, разработке содержания работы с детьми, подготовке педагогических работников. Представлены ранее не публиковавшиеся архивные материалы, содержащие сведения о мерах поддержки семей с маленькими детьми, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Организация деятельности очагов предопределила необходимость дальнейшего развития общественного дошкольного воспитания в России.

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; Москва; благотворительность; очаг; семья; дети; воспитание; детский сад.